

его обязанности, 5) положение женщины въ патриархальной семьѣ, 6) рабы и ихъ положеніе въ патриархальной семьѣ, 7) этическія задачи для еврейской патриархальной семьи, 8) бракъ со стороны формы заключенія въ эпоху патриархальную, 9) пріобрѣтеніе и раздѣлъ собственности въ патриархальной семьѣ и 10) вліяніе кочевого образа жизни на семейный строй въ патриархальный періодъ. Третья глава сочиненія, рассматривающая древне-еврейскую семейную жизнь, какъ она отображается въ Моисеевомъ законодательствѣ и въ фактахъ еврейскаго быта въ эпоху теократіи, въ значительной части воспроизводитъ рубрики предыдущей главы и трактуеть: о составѣ семьи, о положеніи ея главы, о привиллегіяхъ первороднаго, о положеніи женщины, о положеніи рабовъ, о положеніи территоріальныхъ пришельцевъ (геръ тошавъ), о заключеніи брака, о родословіяхъ (сеферъ тольдотъ, яхасъ) и о семейной собственности. Небольшое заключеніе рекапитулируетъ разбросанныя во всемъ сочиненіи собственные сужденія автора. Къ сочиненію приложенъ указатель цитированныхъ Библейскихъ мѣстъ, служащій нагляднымъ свидѣтельствомъ, что всѣ Библейскія книги были внимательно штудированы авторомъ; перечень же вторыхъ пособій не изобилуетъ учеными авторитетными именами, что объясняется сравнительно слабымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, особенно нѣмецкаго, благодаря чему даже капитальное сочиненіе: Buhe. Die socialen Verhältnisse der Israeliten авторъ читалъ во французскомъ переводѣ. Богатой англійской и американской литературы по его предмету изслѣдованія авторъ совсѣмъ не могъ читать. Однако, какъ кандидатское сочиненіе, работа автора можетъ быть признана удовлетворительною: 1) онъ достаточно уяснилъ себѣ по лексикографическимъ пособіямъ (на французскомъ языкѣ) древне-еврейскую терминологию въ области семейныхъ отношеній, 2) внимательно изслѣдовалъ по даннымъ самой Библии проявленія матриархата въ дозаконный періодъ древне-еврейскаго быта, 3) собралъ довольно много данныхъ касательно имущественныхъ отношеній въ патриархальной и подзаконной семьѣ, равно относительно привилегій первородства у древнихъ евреевъ по сравненію съ примогенитурою у народовъ классическаго міра. Углубленіемъ изысканій автора могли бы служить этнографическіе экскурсы (при сравнительномъ ме-

тодѣ изложенія), но для этого требовалось большее время и большія спеціальныя знанія.“

7) Заслуженнаго ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Поспѣлова Ивана* на тему: „Апостольскій соборъ какъ образецъ для церковныхъ соборовъ (Дѣян. XV гл.):“

„Чтобы разобратъся въ громаднѣйшей литературѣ даннаго предмета, коей значительная часть своимъ происхожденіемъ обязана или научно-безсознательной малограмотности или же сознательно-недобросовѣстной и эгоистично-личной предвзятости разныхъ досужихъ писаекъ—прожектеровъ, и въ томъ и другомъ случаѣ представляетъ научно-ничтожный хламъ, годный развѣ только для характеристики эпохи и самихъ писаекъ,—необходимо въ данномъ предметѣ, какъ и вообще въ Новомъ Завѣтѣ (Нагорная Проповѣдь), всесторонне уяснить и отчетливо различить три стороны: 1) *идеально-типическую*, предназначающую то совершеннѣйшее проявленіе и осуществленіе христіанскаго идеала, чтѣ лишь постепенно и медленно достигается въ многовѣковомъ историческомъ процессѣ препобѣжденія антихристіанства христіанствомъ, доколѣ челоувѣчество придетъ въ мѣру совершеннаго возраста, когда Христосъ всесовершенно вообразится во всѣхъ и Богъ будетъ все во всемъ,—2) *церковно-практическую*, для осуществленія коей какъ во всемъ вселенскомъ христіанствѣ, такъ и въ помѣстныхъ церквахъ и частныхъ общинахъ, въ каждый данный историческій моментъ, нѣтъ неустранимыхъ, ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ, препятствій, почему она и должна быть непремѣнно осуществляемой въ общинно-церковной жизни христіанъ,—и 3) *частно-историческую*, осуществившуюся только въ данный историческій моментъ, именно на описанномъ въ книгѣ Дѣяній апостольскомъ соборѣ и уже не повторяемую въ дальнѣйшей исторіи христіанства. Безъ уясненія и разграниченія этихъ сторонъ всѣ разсужденія по данному предмету, какъ научно велеграмотныя такъ и малограмотныя, равно и всякія ученныя справки—добросовѣстныя и недобросовѣстныя, всякіе полемическіе экскурсы,—какъ не утвержденныя въ почвѣ принципиально-идейной стороны христіанства,—должны оставаться бездѣйственными и не имѣющими жизненнаго значенія словоупражненіями,

въ духѣ схоластическихъ изысканій объ отношеніи пространственности безплотныхъ духовъ къ острію иглы.—Авторъ, не смотря на нѣкіе отдаленные намеки и косвенныя попытки, не опредѣлилъ этихъ сторонъ ясно и рѣшительно и тѣмъ лишилъ свою работу твердой научной методы, а себя—возможности дать опредѣленный отвѣтъ на изслѣдуемый вопросъ. Но это—недостатокъ всей литературы даннаго предмета, почему онъ и невмѣняемъ одному только автору разсматриваемаго труда, при томъ имѣющаго специальную цѣль. Разсматриваемая же съ точки зрѣнія этой цѣли, именно какъ кандидатское разсужденіе, работа автора представляетъ обширное и всестороннее толкованіе 15-й главы книги Дѣяній Апостольскихъ, весьма обстоятельно и умѣло составленное на основаніи изученія какъ древне-христіанской литературы отеческаго періода, такъ и новѣйшихъ иностранныхъ научныхъ пособій—текстологическихъ, филологическихъ и экзегетическихъ,—а также обширной русской литературы послѣдняго времени,—и изложенное языкомъ яснымъ, краткимъ, литературно-обработаннымъ,—почему и заслуживающее автору не только степень кандидата богословія, но и полное одобреніе“.

8) Доцента Анатолія Орлова о сочиненіи студента *Пятницкаго Владиміра* на тему: „Екатерина Сиенская, какъ представительница средневѣковой католической мистики“:

„Задачу сочиненія г. Пятницкаго, по смыслу избранной имъ темы, составляло представить историко-психологическій этюдъ объ *Екатеринѣ Сиенской*, какъ одной изъ наиболѣе яркихъ представительницъ той своеобразной средневѣковой католической мистики, которая наряду съ глубиною и интенсивностію индивидуальныхъ мистическихъ переживаній (созерцанія), доходившихъ до патологическаго экстаза и стигматизаціи, совмѣщала въ себѣ и самое близкое, живое отношеніе мистика къ внѣшнему міру, трогательную любовь къ природѣ, самоотверженное служеніе людямъ,—и которая этою именно чертою значительно отличается отъ другихъ исторически—извѣстныхъ типовъ мистики (по преимуществу восточной). Имѣвшіеся въ распоряженіи автора источники и изслѣдованія о жизни *Екатерины* (Raimundus, двухъ-томное изслѣдованіе Chavin de Malan'a, Ботлеръ, Gebhart, Герье),—

равно какъ русскія и отчасти французскія (—доступныя автору) изслѣдованія о сродныхъ по духу съ Екатериной средневѣковыхъ мистикахъ и мистичкахъ, представляли вполне достаточный матеріалъ для такого рода историко-психологической характеристики. Однако выполнение этой работы у г. Пятницкаго оставляетъ желать многого. Въмѣсто хотя бы небольшого, но вдумчиво написаннаго очерка, авторъ представилъ обширное сочиненіе (431 стр.), распадающееся на двѣ части, изъ которыхъ первая (1—208) содержитъ въ себѣ общій историческій обзоръ различныхъ мистическихъ теченій, начиная отъ браминовъ и до временъ реформации, а вторая (208—431)—посвящена собственно Екатеринѣ Сиенской. Наличность первой части своего сочиненія авторъ оправдываетъ необходимостію „охарактеризовать Екатерину, какъ представительницу извѣстнаго направленія мистики“ и „поставить ее въ генетическую связь съ другими мистиками“ (3 стр.). Не оспаривая права и даже обязанности автора освѣтить мистику Екатерины Сиенской въ возможно—широкой исторической перспективѣ, мы однако должны отмѣтить крайнюю непритязательность его научныхъ приемовъ въ данной части его работы. Вся эта часть сочиненія г. Пятницкаго въ сущности сводится къ послѣдовательному переложенію книги Вертеловскаго: „Западная средневѣковая мистика въ ея отношеніи къ католичеству. Харьковъ. 1888“. Такая почти рабская зависимость автора отъ изслѣдованія Вертеловскаго обуславливаетъ то, что г. Пятницкій не только не дѣлаетъ какихъ либо своихъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ наблюденій и обобщеній въ данной части своей работы, но безъ нужды загромождая ее неидушими къ дѣлу свѣдѣніями о различныхъ представителяхъ древней и средневѣковой мистики, опускаетъ изъ виду тѣхъ именно средневѣковыхъ мистиковъ, которые какъ разъ имѣли наиболѣе близкое сходство съ мистикой Екатерины Сиенской (напр. Францискъ Ассизскій). Подобную же непритязательность научныхъ приемовъ г. Пятницкаго должно отмѣтить и во второй части его сочиненія, въ которой авторъ даетъ просто послѣдовательное жизнеописаніе Екатерины,—по имѣвшимся въ его рукахъ образцамъ такихъ біографій, не давая себѣ труда воспользоваться этимъ біографическимъ содержаніемъ, какъ матеріаломъ для извѣст-

наго психологическаго и историческаго анализа, сопоставленій и выводовъ. Не имѣя возможности признать сочиненіе г. Пятницкаго удачной кандидатской работойъ, мы тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе тотъ фактъ, что авторъ несомнѣнно потрудился надъ своимъ сочиненіемъ,—рекомендованную ему литературу объ Екатеринѣ Сиенской изучилъ достаточно, признаемъ его сочиненіе удовлетворительнымъ, а г. Пятницкаго—заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

9) Исправляющаго должность доцента Дмитрія Коновалова о сочиненіи студента *Самарянова Александра* на тему: „Аполлоній Тіанскій“:

„Сочиненіе г. Самарянова базируется на Филостратовой біографіи Аполлонія Тіанскаго. Авторъ изучалъ ее въ греческомъ подлинникѣ и въ этомъ заключается главное достоинство его работы. Изложивъ подробно повѣствованіе Филострата о жизни Аполлонія Тіанскаго, авторъ съ разныхъ сторонъ обсуждаетъ вопросъ о полуисторической, полупоэтической личности Тіанскаго мудреца и анализируетъ его религіозно-философское ученіе. Въ этой сферѣ ему трудно было сказать что-нибудь новое и оригинальное по сравненію съ тѣмъ, что онъ нашелъ въ нѣмецкихъ пособіяхъ и особенно въ прекрасной и очень обстоятельной статьѣ проф. М. И. Каринскаго (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1876 годъ). Но, опираясь на непосредственное знакомство въ подлинникѣ съ главнѣйшимъ источникомъ свѣдѣній объ Аполлоніи Тіанскомъ, онъ съ полнымъ успѣхомъ разобрался во множествѣ разнорѣчивыхъ мнѣній, связанныхъ съ этой загадочной личностью, и представилъ въ своемъ сочиненіи обстоятельную и законченную монографію на избранную имъ тему. Съ внѣшней стороны сочиненіе г. Самарянова производитъ благопріятное впечатлѣніе (изложеніе—вполнѣ литературное), за исключеніемъ греческихъ цитатъ, орфографія которыхъ оставляетъ желать много лучшаго.—Какъ сочиненіе на ученую степень кандидата богословія, оно вполнѣ заслуживаетъ послѣдней“.

10) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *іеродіакона Серафима* (Звѣздинскаго) на тему: Ученіе Св. Іоанна Златоуста о спасеніи“:

„Для о. Серафима творенія Св. Іоанна Златоуста были разъ единственнымъ источникомъ и единственнымъ пособіемъ при написаніи имъ своего сочиненія. Трудъ его состоялъ въ томъ, что онъ читалъ и перечитывалъ всѣ творенія Златоуста, путемъ чтенія и изученія извлекъ изъ нихъ весь необходимый матеріалъ, осмысливалъ разнообразныя изреченія Златоуста о тѣхъ и другихъ сторонахъ дѣла спасенія, старался уловить и оцѣнить взаимныя отношенія и, такъ сказать, удѣльный вѣсь изреченій Св. Отца, чтобы найти и выставить въ нарочитомъ свѣтѣ основныя точки зрѣнія его на предметъ и около нихъ объединить все разностороннее и изобилующее мыслями ученіе Златоуста о спасеніи. Выполненіе этого дѣла облегчалось тѣмъ, что всѣ сочиненія Златоуста переведены на русскій языкъ и, въ виду общепризнаннаго достоинства этого перевода, совершеннаго трудами цѣлой Академіи, не было особенной необходимости обращаться къ греческому подлиннику, но всетаки оно требовало кропотливаго, усидчиваго и долговременнаго труда. Если положить на изученіе каждаго изъ двѣнадцати томовъ твореній Златоуста только одну недѣлю, то и въ такомъ случаѣ на ознакомленіе со всѣми его твореніями потребуется почти три мѣсяца. А автору разсматриваемаго сочиненія пришлось читать всѣ творенія Златоуста подрядъ. Ни о чемъ другомъ Златоустъ не говоритъ такъ часто, какъ о спасеніи, а между тѣмъ у него нѣтъ ни одного трактата, который былъ бы посвященъ исключительно изслѣдованію дѣла спасенія. Какъ проповѣдникъ и пастырь, онъ говоритъ о спасеніи множество разъ, но говоритъ какъ бы кста-ти, мимоходомъ; его слова о спасеніи вкраплены въ рѣчи о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Что дѣйствительно о. Серафимъ старательно изучалъ творенія Златоуста, объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя выписки изъ нихъ изреченій, сопровождаемыхъ точной цитаціей.

Не легко было изученный матеріалъ обработать систематически. Златоустъ, какъ богословъ практическій, и ученіе о спасеніи почти всегда обсуждаетъ практически, примѣнительно къ жизни. Онъ говоритъ о томъ, какъ нужно жить, что дѣлать и чего не дѣлать, чтобы спастись, а также что совершенно и дѣлается Богомъ и Христомъ для спасенія людей; но онъ не склоненъ дѣлать логическія опредѣленія

сущности спасенія и разныхъ сторонъ его. По своему обычаю онъ жизненно описываетъ и картинно изображаетъ дѣло спасенія, но онъ и не думаетъ свои изобильныя и разнообразныя мысли о спасеніи точно формулировать и привѣсть въ систему. Рѣчь Златоуста—огромная рѣка, вышедшая изъ береговъ и широко разлившаяся.

Систематизироваль о. Серафимъ ученіе Златоуста о спасеніи довольно удачно, раздѣливши сочиненіе на двѣ части и каждую часть на три главы. Въ первой, большей, части онъ раскрылъ ученіе Златоуста о спасеніи, какъ дѣлъ Божіемъ, совершенномъ въ трехъ періодахъ всемірной исторіи—первобытномъ (1-я глава), ветхозавѣтномъ (2-я глава) и новозавѣтномъ (3-я глава). Во второй части изложено ученіе Златоуста о спасеніи, какъ дѣлъ самого человѣка, а именно, объ отношеніи спасительной благодати къ свободѣ и естественнымъ силамъ человѣка (1-я глава), о препятствіяхъ къ спасенію и средствахъ къ его совершенію (2-я глава) и о главныхъ сторонахъ личнаго спасенія (3-я глава).

Крупное достоинство труда о. Серафима—полная самостоятельность его сочиненія. Все, что онъ написалъ, ничего и ни у кого имъ не заимствовано, за исключеніемъ только словъ Златоуста. Другое достоинство его сочиненія—документальность. Чуть не на каждой страницѣ онъ говоритъ словами Златоуста. Но въ этомъ достоинствѣ заключается и слабая сторона сочиненія, та именно, что авторъ сочиненія уже слишкомъ отступаетъ на дальній планъ, систематически излагая мысли Златоуста, но мало ихъ разъясняя и оцѣнивая. Должно замѣтить, что авторъ сочиненія съ такимъ высокимъ почтеніемъ относится къ твореніямъ Златоуста, что можетъ быть даже не считалъ себя и вправѣ подвергать оцѣнкѣ ученіе его о спасеніи. Авторъ сочиненія вполне достоинъ степени кандидата богословія.“

11) Ординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Скворцова Николая* на тему: „Метафизика Лотце“:

„Авторъ написалъ небольшое сочиненіе (всего 178 стр.). Но ставить это ему въ вину никакъ нельзя. Это, скорѣе, достоинство, чѣмъ недостатокъ. Извѣстно, что объемистую, обилующую выписками и цитатами, „диссертацию“ соста-

вить иногда весьма не трудно. Напротивъ, часто очень не легко сжать обширный матеріалъ, да притомъ, какъ мы имѣемъ это въ философіи Лотце, и безъ того уже достаточно сжатый. А къ этому-то именно авторъ повсюду и стремится. И хотя ему далеко не всегда удается вести нить утонченныхъ разсужденій знаменитаго нѣмецкаго метафизика въ томъ самомъ направленіи, въ какомъ ведетъ ее послѣдній, однако ни въ стараніи понять и правильно истолковать Лотце, ни даже въ философской проницательности отказать ему нельзя. Есть въ сочиненіи и частныя промахи (отмѣчены), и въ толкованіи подлинника и даже иногда въ переводѣ съ нѣмецкаго,—но нѣтъ существенныхъ искаженій мысли философа. Хорошо уже и это.—Для полученія степени кандидата сочиненіе г. Скворцова достаточно“.

12) Инспектора Академіи и. д. ординарнаго профессора Александра Шостына о сочиненіи студента *Соколова Александра* на тему: „Педагогическія воззрѣнія Фридриха Фрѣбеля и ихъ отношеніе къ христіанству“:

„Во *введеніи* (стр. 6—37) авторъ высказываетъ общія соображенія относительно важнаго значенія до-школьнаго воспитанія для всей послѣдующей жизни человѣка и затѣмъ переходитъ къ Фрѣбелю, какъ теоретику воспитанія именно въ этотъ до-школьный періодъ.

Глава I (стр. 38—102) представляетъ историческій очеркъ развитія идей о первоначальномъ воспитаніи дѣтей въ новое время до Фрѣбеля, при чемъ авторъ останавливаетъ особое вниманіе на идеяхъ Ам. Коменскаго, Дж. Локка, Ж. Ж. Руссо и Г. Песталоцци.

Глава II (стр. 102—141) содержитъ въ себѣ краткую біографію и личную характеристику Фрѣбеля.

Въ главѣ III (стр. 141—210) излагаются философско-педагогическія воззрѣнія Фрѣбеля, его взгляды на человѣка, какъ дитя Бога, природы и человѣчества, и на вытекающія отсюда задачи воспитанія.

Въ главѣ IV (стр. 210—226) изображается печальная постановка семейнаго воспитанія въ началѣ XIX столѣтія, побудившая Фрѣбеля перейти отъ теоріи къ практикѣ.

Глава V (стр. 227—349) рисуетъ намъ самый „дѣтскій садъ“ Фрѣбеля и его организацію (съ образовательными

игрушками—дарами, подвижными играми, рассказами и пѣсенками).

Въ главѣ VI (стр. 350—392) дается оцѣнка педагогической системы Фребеля въ ея теоретическо-философской и практической сторонахъ, причѣмъ авторъ заявляетъ себя увѣжденнымъ сторонникомъ этой системы и съ юношескимъ увлеченіемъ говоритъ: „нигдѣ ребенокъ не можетъ быть правильно воспитанъ..., какъ только въ дѣтскомъ саду. Только въ немъ ребенокъ можетъ быть воспитанъ въ своемъ всестороннемъ жизненномъ единеніи, т. е. въ отношеніи къ Богу, къ природѣ и къ человѣчеству“ (стр. 370—371). И всѣ нападки и преслѣдованія, какимъ подвергались „дѣтскіе сады“ съ самаго возникновенія своего, авторъ склоненъ объяснять только недоразумѣніемъ.

Наконецъ, въ главѣ VII (стр. 393—449) обсуждается отношеніе педагогическихъ воззрѣній Фребеля къ христіанству,—и здѣсь нашъ авторъ также приходитъ къ рѣшительному заключенію, „что Фребель былъ глубокимъ христіаниномъ, что его воззрѣнія покоятся всецѣло на христіанскихъ основахъ и что дѣтскій садъ является однимъ изъ цѣлесообразныхъ средствъ христіанской педагогики“ (стр. 446).

Въ концѣ сочиненія на двѣнадцати страницахъ прилагается перечень литературы, иностранной и русской, такъ или иначе относящейся къ данному предмету изслѣдованія.

Какъ этотъ заключительный перечень литературы, такъ въ особенности обильная цитація въ самомъ изслѣдованіи, наглядно показываетъ незаурядное трудолюбіе нашего автора. Онъ собралъ и старательно изучилъ не только сочиненія самого Фребеля и болѣе или менѣе капитальныя изслѣдованія о немъ, но даже и мелкія статейки, во множествѣ разсѣянныя по различнымъ періодическимъ изданіямъ.

Столь же внимательно отнесся авторъ и къ литературной обработкѣ своего сочиненія: за рѣдкими исключеніями оно написано яснымъ и точнымъ языкомъ, безъ лишнихъ повтореній и въ строгой послѣдовательности.

Не смотря на отмѣченное выше увлеченіе системою Фребеля и довольно одностороннее освѣщеніе ея, должно признать трудъ г. Соколова очень хорошимъ и для кандидатской степени вполне достаточнымъ.“

13) Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи студента *Соловьева Владиміра* на тему: „Протоіерей Іоаннъ Никитичъ Полисадовъ, какъ проповѣдникъ“:

„Протоіерей Іоаннъ Никитичъ Полисадовъ, какъ проповѣдникъ, въ свое время пользовался весьма широкой и весьма завидной для многихъ извѣстностью. Слава о немъ гремѣла по всему Петербургу. Усердные почитатели покойнаго разносили ее по всей Россіи. Мы не богаты проповѣдниками. На нашемъ тихомъ фонѣ церковной жизни проповѣдники являются слишкомъ рѣдкими всплесками, за которыми обыкновенно слѣдуетъ прежній непробудный покой и тишина. Изучить проповѣдническую дѣятельность покойнаго Полисадова интересно не только въ историческомъ смыслѣ, но и въ смыслѣ ея значенія для настоящаго времени, почти безпримѣрно бѣднаго проповѣдію. На всѣ самыя жгучіе вопросы проповѣдничества всякій пастырь-учитель найдетъ здѣсь живой и яркій отвѣтъ, отвѣтъ не сочиненный гдѣ-либо въ кабинетѣ какимъ-либо досужливымъ писателемъ, большею частію ради сквернаго прибытка, а выношенный въ своемъ сердцѣ, страдавшемъ и радовавшемся вмѣстѣ съ своими братьями—христіанами.

И дѣйствительно, сколько здѣсь интереснаго для каждаго вдумчиваго, искренняго пастыря-учителя. „Жителямъ одного большого города хорошо извѣстно, что мѣстный кафедральный соборъ переполнялся народомъ въ нѣкоторые обыкновенные воскресные дни почти какъ въ Рождество или Троицу; это были тѣ воскресенія, когда къ проповѣди назначался покойный протоіерей Іоаннъ Полисадовъ; не бывшіе горожане въ церкви съ живѣйшимъ любопытствомъ затѣмъ раскупали листокъ, чтобы прочесть изложеніе главныхъ мыслей проповѣди“. О. Полисадовъ образовалъ при своей церкви домовую, значить и безприходной, цѣлый приходъ изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ усердныхъ своихъ слушателей, такъ что его домовая церковь, предназначавшаяся для интеллигентнаго класса общества, слѣлалась домомъ молитвы для жаждущихъ назиданія лицъ. Что же это была за паства? „Она составилаь изъ людей всѣхъ мѣстъ столицы, изъ людей жаждавшихъ правды Евангельской“ (315—317 стр.). Только теперь становится понятнымъ рассказъ одного изъ современниковъ и почитателей покойнаго

о. Полисадова, будто сосѣдніе съ церковью Полисадова священники подали митрополиту Исидору жалобу на Полисадова за то, что онъ отвлекаетъ прихожанъ отъ ихъ приходо-
довъ. На это митрополитъ, уважавшій Полисадова, отвѣ-
чалъ: „будьте всѣ Полисадовыми, и прихожане ваши бу-
дутъ съ вами“. И К. П. Побѣдоносцевъ говаривалъ: „луч-
шія проповѣди, какія слыхалъ я въ Исакиевскомъ соборѣ,
это—проповѣди Ивана Никитича Полисадова“ (320 стр.).

За что же любилъ такъ народъ о. Полисадова?

К. П. Побѣдоносцевъ пишетъ: „любитъ слушать его на-
родъ. Это отъ того, что у него огонь, а лишь отъ огня огонь
загорается. Такъ и Спаситель сказалъ: огонь придохъ во-
врещи на землю. Какъ хотѣлъ бы, чтобы онъ, этотъ божествен-
ный огонь, возгорѣлся“. За правду любилъ его народъ, гово-
рить другой живой свидѣтель проповѣднической дѣятель-
ности о. Полисадова. „Онъ говорилъ безъ прикрасъ и безъ
мягкихъ оборотовъ рѣчи, расточаемыхъ нерѣдко, чтобы по-
рочныхъ не оскорбить. Паства искала у него успокоенія
своей совѣсти, разуму разъясненія, всей душѣ покаянія и
прощенія или отеческаго вразумленія. Да, люди приходили
спрашивать усопшаго, какъ нѣкогда евреи тезоименнаго
ему Іоанна на Іорданѣ, что имъ дѣлать. И усопшій, какъ
честный врачъ, прямо говорилъ и объ опасностяхъ недуга,
и о сильныхъ средствахъ для уврачеванія; прикладывалъ
онъ нерѣдко ѣдкій пластырь къ ранамъ грѣшнаго, истер-
заннаго злобою сердца; и больно было послѣднему, за то
цѣлительно“ (317 стр.). Большинство проповѣдниковъ до
того утратило прямоту и правдивость слова, что уже не-
рѣдко не разберешь въ проповѣди иного обличителя и учи-
теля, что онъ хвалитъ или порицаетъ извѣстный поступокъ.
Не такъ было у Полисадова. Здѣсь была только правда одна,
обязательная въ равной мѣрѣ для всѣхъ слоевъ общества,
начиная отъ самого Государя и кончая послѣднимъ просто-
людиномъ. Эта правда иногда выливалась въ такихъ рѣз-
кихъ формахъ, что просто становилась страшной даже и
почти небывалой на нашей церковной каѳедрѣ. Вотъ наприм.
какія слова влагаетъ онъ въ уста Христа, на страшномъ
судѣ обращенныя къ грѣшникамъ: „явитесь лукавыя жены,
блудныя дѣвы, обманщики-торгаши, негодные войны—блудо-
дѣи, чиновники—тунеядцы, всѣ пьяницы, картежники, казно-

крады и всё злочестивые и распутные люди“. А вотъ какъ онъ описываетъ современныхъ ему дѣвицъ. „Преважно, съ папирскою въ зубахъ, садятся онѣ за зеленый столъ и, съ большимъ азартомъ, сражаются съ мужчинами, не уступая имъ ни въ приемахъ, ни въ краснорѣчьи, ни въ самомъ искусствѣ шулерства“. И далѣе: „А гдѣ же ихъ папаши и мамыши? Тутъ же часто за однимъ, а иногда и за другимъ столомъ, въ особой комнатѣ занимаются искусствомъ легко и скоро зашибить себѣ деньгу. Хотя, сказать по правдѣ, нерѣдко цѣлому семейству, преданному этимъ удовольствіямъ, приходится въ глухую ночь, вмѣстѣ или порознь, уходить пѣшкомъ домой по той естественной причинѣ, что грубые извозчики не соглашаются везти ихъ безъ денегъ“ (307 стр.). Никого не щадилъ на церковной кафедрѣ проповѣдникъ, хотя не разъ подвергался за это всякимъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ не только со стороны обыкновенныхъ лицъ и не только со стороны высокихъ, но даже и со стороны необыкновенныхъ очень. На него было даже покушеніе. Но Полисадовъ оставался Полисадовымъ всегда. Эта нравственная устойчивость и дѣлала его великимъ въ глазахъ его паствы. Эта то евангельская Христова правда, чувствовавшаяся въ каждомъ словѣ проповѣдника, и заставляла не только ему вѣрить, его любить, но и дѣлала всё его наставленія кодексомъ какъ бы новаго завѣта. Такъ „батюшка“ Полисадовъ сказалъ—и конецъ всему. Да что сказалъ то? А сказалъ онъ: „Богъ и лѣсу не уравниалъ, какъ же уравниять людей“. И съ этой позиціи никто и никогда уже не собьеть прихожанина о. Полисадова.

Такъ однажды ему было предъявлено обвиненіе по одному письму такого содержанія: „до свѣдѣнія Государя Императора дошло, что священникъ Полисадовъ рѣзко отзывается о высшихъ властяхъ и особенно объ Оберъ-Прокурорѣ“. „Что же будетъ за это?“ спросилъ о. Полисадовъ Владыку. „А подадутъ тебѣ телѣгу, отвѣчалъ митрополитъ, и повезутъ въ Соловки“. „Тогда я, продолжалъ о. Іоаннъ, потребую суда и слѣдствія“. „Ну, какой еще тебѣ судъ“, замѣтилъ смѣясь митрополитъ (7—8 стр.). Но и послѣ этого Полисадовъ оставался Полисадовымъ.

Поразительна была любовь Петербуржцевъ къ Полисадову. Въ самый день погребенія Полисадова вокругъ гимназій

И. Ч. О. собралось до 30000 человекъ, потомъ ожидали многолюдныя толпы на Волковомъ кладбищѣ и по всему пути, по которому должна была проходить процессія съ этимъ простымъ досчатымъ гробомъ, несомымъ на рукахъ весь длинный путь приверженцами покойнаго. О похоронахъ о. Полисадова говорили: „весь Петербургъ былъ на ногахъ; его хоронили всѣ“ (17—18 стр.). Почитатели поставили на могилѣ его великолѣпный памятникъ. Но знаменательнѣе всего то, что о. Полисадова до сихъ поръ еще глубоко и горячо не только помнятъ многіе, но и продолжаютъ чтить, какъ живого. Его слово и до сихъ поръ гораздо большее имѣетъ значеніе для многихъ, чѣмъ слово живыхъ людей.

Я думаю, что мы еще до сихъ поръ не имѣемъ самобытной проповѣди ни со стороны содержанія, ни со стороны изложенія. Мы все еще до сихъ поръ блуждаемъ по чужимъ задворкамъ, стоимъ подъ различными вліяніями — протестантскими, католическими, французскими, англійскими. Въ исторіи самобытной нашей проповѣди, внѣ всякихъ иноземныхъ вліяній складывающейся, проповѣди о. Полисадова займутъ выдающееся мѣсто. Жалѣю, что авторъ не обратилъ достаточнаго вниманія на эту сторону дѣла.

Любопытна и точна зрѣнія о. Полисадова на проповѣдь. Онъ считалъ ее главной обязанностью пастыря и неотъемлемой частью богослуженія. Вотъ почему онъ не оставлялъ ни одного праздничнаго богослуженія безъ проповѣди, потому что безъ проповѣди, говорилъ онъ, богослуженіе не кончено. А какъ безъ конца уходить изъ храма? Болѣе 2000 проповѣдей произнесъ о. Полисадовъ въ теченіе своей жизни, облекая каждый разъ вѣчныя, неподвижныя истины Евангелія въ плоть и кровь жизни общественной, подвижной въ тотъ или другой моментъ, въ ту или другую стадію ея развитія.

Авторъ съ завиднымъ усердіемъ изучалъ проповѣдническую дѣятельность покойнаго о. протоіерея. Онъ собралъ не только весь печатный матеріалъ о немъ, но употребилъ всѣ усилія, чтобы собрать и его еще неизданные труды, въ особенности же проповѣди. Съ этой цѣлю онъ ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ протекла главнымъ образомъ пастырская дѣятельность покойнаго Полисадова. Вотъ что онъ пишетъ въ данномъ случаѣ. „Мои поиски оказались ненапрасными. Я глубоко благодаренъ о. протоіерею Ф. Н. Орнатскому, и

усердному почитателю покойнаго о. Полисадова И. В. Абрамову, при посредствѣ которыхъ мнѣ удалось найти нѣсколько интересныхъ проповѣдей о. Полисадова, изданныхъ отдѣльными брошюрами. Затѣмъ, глубоко признателенъ я сыну покойнаго о. Полисадова, С. И. Полисадову, его дочери Л. И. Городецкой, прот. К. И. Вѣтвиницкому, сообщившимъ мнѣ нѣкоторыя фактическія данныя изъ жизни о. Полисадова и изъ его проповѣднической дѣятельности. При этомъ я не могу не выразить сожалѣнія по поводу кончины въ началѣ лѣта 1908 года зятя и преемника о. І. Н. Полисадова по службѣ при гимназіи И. Ч. О. и при гимназической церкви прот. Н. А. Городецкаго, бывшаго издателемъ проповѣдей покойнаго. Думаю, что вмѣстѣ съ нимъ ушло въ могилу очень много дорогаго и интереснаго объ о. Полисадовѣ. Наконецъ, жалѣю и о томъ, что мнѣ не удалось воспользоваться рукописными проповѣдями о. Полисадова, которыя хранятся въ большомъ количествѣ у его сына С. И. Полисадова, по своимъ личнымъ соображеніямъ отклонившаго мою просьбу о томъ. Онъ самъ намѣренъ въ недалекомъ будущемъ издать эти проповѣди“ (II—V стр.).

Скорбимъ и мы вмѣстѣ съ авторомъ, что ему не удалось воспользоваться еще совсѣмъ неиспользованнымъ матеріаломъ, но великое спасибо ему уже и за то, что онъ открылъ этотъ матеріалъ. Путь къ нему теперь найденъ, лѣтописецъ-гомілетъ занесъ его на страницы неумирающей научной лѣтописи. Будемъ вѣрить, что онъ теперь не пропадетъ безслѣдно для исторіи. Свѣтъ когда-нибудь увидитъ его. Какъ хотѣлось бы, чтобы этотъ матеріалъ прошелъ черезъ руки нашего автора. Если за убогія „раскопки“ въ области иноземной мысли присуждаются высшія ученныя степени богословія, то за раскопки въ области отечественной, да притомъ еще самобытной, оригинальной мысли и подавно это присужденіе будетъ достойнымъ и праведнымъ.

За свой трудъ авторъ заслуживаетъ степени кандидата богословія съ избыткомъ“.

14) Инспектора Академіи и. д. ординарнаго профессора Александра Шостыина о сочиненіи студента *Соловьева Сергья* на тему: „Педагогъ Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ и его воспитательно-образовательный идеаль“:

„Сочиненіе г. С. Соловьева содержитъ въ себѣ, кромѣ введенія, четыре главы изслѣдованія и краткое заключеніе.

Во введеніи (стр. 1—35) авторъ изображаетъ, прежде всего, печальное положеніе педагогическаго дѣла въ нашемъ отечествѣ до второй половины минувшаго столѣтія и затѣмъ указываетъ, какой горячій интересъ къ этому дѣлу пробудился въ русскомъ обществѣ подъ влияніемъ извѣстной статьи Н. И. Пирогова „Вопросы жизни“, появившейся въ 1856 году. Вскорѣ послѣ того возникло нѣсколько педагогическихъ журналовъ; а вмѣстѣ съ литературнымъ движеніемъ началось педагогическое движеніе и на практикѣ: появились воскресныя и другія школы, открылись педагогическія собранія, и само правительство энергически взялось за школьную реформу. Однимъ изъ ревностныхъ дѣятелей школьной реформы выступилъ Влад. Як. Стоюнинъ, біографіей и характеристикой котораго авторъ и заканчиваетъ свое *введеніе*.

Въ *главѣ I* (стр. 35—81) излагаются взгляды Стоюнина на историческое прошлое русской школы, на причины неудовлетворительности ея (исключительно государственно-административный контроль надъ ней—съ одной стороны, безучастное отношеніе къ ней семьи и общества—съ другой) и на условія улучшенія ея.

Въ *главѣ II* (стр. 81—155) рисуется въ подробностяхъ общій воспитательно-образовательный идеаль Стоюнина; въ *главѣ III* (стр. 156—171) излагаются мысли его въ частности о женскомъ научномъ образованіи.

Послѣдняя *глава IV* (стр. 172—205) посвящена изображенію практической дѣятельности Стоюнина, какъ преподавателя—педагога, и описанію женской гимназіи его супруги (М. Н. Стоюниной), открытой въ 1881 году, гдѣ онъ съ горячностью трудился надъ осуществленіемъ своего идеала до послѣднихъ минутъ жизни. Заканчивается эта глава разсужденіемъ о значеніи педагогическихъ идей Вл. Як. Стоюнина для нашего времени, при чемъ выясняется, что его идеи отнюдь не устарѣли и теперь.

Наконецъ, въ краткомъ *заключеніи* (стр. 206—214) авторъ пытается опредѣлить отношеніе Стоюнина къ двумъ современнымъ ему педагогамъ—Пирогову и Ушинскому,—и сущность этого опредѣленія сводится къ тому, что „Стоюнинъ,

не раздѣляя крайностей того и другого, занимаетъ между ними середину“ (стр. 214).

Не обширенъ матеріалъ, подлежащій изученію нашего автора, и не обширно самое сочиненіе его. Но онъ очень добросовѣстно потрудился надъ выясненіемъ педагогическихъ воззрѣній Стоюнина и надъ собираніемъ всего написаннаго о немъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. И въ литературной обработкѣ сочиненія также замѣтна тщательность и усердіе: точный и сжатый стиль автора далъ ему возможность въ небольшомъ по объему сочиненіи изложить и обсудить всѣ существенные вопросы, надъ которыми работала мысль избраннаго имъ педагога.

Для кандидатской степени трудъ г. С. Соловьева долженъ быть признанъ совершенно достаточнымъ“.

15) Экстраординарнаго профессора Николая Городенскаго о сочиненіи студента *Триодина Александра* на тему: „Неохристіанство въ современной французской литературѣ“.

„Въ своемъ сочиненіи г. Триодинъ старается сначала объяснить общія причины неохристіанской реакціи во Франціи, затѣмъ даетъ характеристику неохристіанскихъ воззрѣній Ф. Брюнетьера, П. Бурже, Гюисманса и Эд. Рода, отмѣчаетъ христіанскія симпатіи П. Лоти и, наконецъ, пытается найти слѣды неохристіанскаго вліянія даже у такихъ писателей, какъ Эм. Золя и Ан. Франсъ. Сочиненіе г. Триодина страдаетъ очень существенными пробѣлами: авторъ лишь въ слабой степени затронулъ вопросъ объ отношеніи французскаго неохристіанства къ общей идеалистической реакціи нашего времени; авторъ слишкомъ сузилъ кругъ писателей, принадлежащихъ къ неохристіанскому теченію и это особенно бросается въ глаза при сопоставленіи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ сочиненіи нашли себѣ мѣсто не имѣющіе отношенія къ неохристіанству Эм. Золя и Ан. Франсъ; авторъ, наконецъ, мало изучалъ литературу о неохристіанствѣ. Но эти пробѣлы въ большинствѣ случаевъ извиняются не только недостаткомъ бывшаго въ распоряженіи г. Триодина времени, но и недостаткомъ нашихъ библіотечныхъ средствъ по литературному отдѣлу. Съ другой стороны, отмѣченные недочеты компенсируются солидными научными достоинствами сочиненія. Г. Триодинъ хорошо изучилъ трак-

туемыхъ имъ авторовъ, которыхъ онъ читалъ очень часто въ подлинникахъ; онъ старательно отыскивалъ нужныя ему сочиненія какъ въ отдѣльныхъ французскихъ изданіяхъ, такъ и по французскимъ журналамъ; весь собранный такимъ путемъ матеріалъ г. Триодинъ излагаетъ не только въ прекрасной литературной формѣ, но и въ очень умѣломъ научномъ освѣщеніи. Такимъ образомъ, авторъ даетъ самостоятельно, по источникамъ, составленную картину движенія, очень мало до сихъ поръ затронутого въ русской литературѣ. Все это заставляетъ признать сочиненіе г. Триодина очень хорошою кандидатскою работою“.

16) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Трунева Николая* на тему: „О второбрачіи бѣлаго духовенства“:

„Названное сочиненіе разсматриваетъ вопросъ съ одной стороны имѣющей интересъ практической, сдѣлавшейся предметомъ публицистики и оффиціального церковнаго разсмотрѣнія (въ Сербской церкви), съ другой — интересъ чисто научный—каноническій. Горькое положеніе духовнаго лица, несущаго тяжелый крестъ вдовства въ молодыхъ лѣтахъ, иногда имѣющаго дѣтей, есть, конечно, благодарная тема для того, чтобы съ успѣхомъ разрабатывать мысль о рациональности разрѣшенія вопроса въ положительномъ смыслѣ какъ по мотивамъ гуманности, такъ и практической цѣлесообразности. Эти мотивы вполне оцѣниваетъ и авторъ, приводя краснорѣчивыя жалобы таковыхъ горемычныхъ вдовцовъ, опубликованныя въ печати (стр. 19); однако же авторъ устоялъ противъ искушенія пожертвовать въ пользу ихъ научною точностью и безпристрастіемъ канониста и богослова. Възвѣсивъ эти мотивы, авторъ совершенно резонно высказываетъ слѣдующее соображеніе. „Церковь — не государство: если свѣтское правительство безпрепятственно издаетъ законы, которые ему кажутся наиболѣе современными и практичными, отмѣняя неудобные и устарѣвшіе, то это еще не значитъ, что и церковь можетъ поступать также. Церковь имѣетъ такія постановленія, которыя она должна хранить неизмѣнными во всѣ времена“ (стр. 38). Отвѣтъ на вопросъ—допустимо или недопустимо второбрачіе бѣлаго духовенства зависитъ отъ рѣшенія другого вопроса: имѣетъ ли церковь

право измѣнить, или вовсе отмѣнить тѣ правила, которыми опредѣляется бракъ священныхъ лицъ? (стр. 40).

Съ этимъ вопросомъ авторъ переноситъ свое изслѣдованіе въ специально-каноническую сферу, рассматривая послѣдовательно: а) мѣста Св. Писанія, б) правила св. Апостоловъ, вселенскихъ, помѣстныхъ соборовъ и св. Отцовъ, а также и древнюю церковную практику.

Для своего сочиненія авторъ воспользовался готовыми изслѣдованіями и статьями періодической печати по данному вопросу, какъ русскими, такъ и сербскими (въ переводѣ на русскій языкъ), и воспользовался весьма рационально. Онъ серьезно и безпристрастно рассматриваетъ доводы pro и contra разрѣшенія вопроса въ положительномъ смыслѣ. Изученный матеріалъ онъ располагаетъ въ строго послѣдовательномъ логическомъ порядкѣ. Благодаря этому сочиненіе его читается съ живымъ, не прерывающимся интересомъ, отъ одного отдѣла къ другому.

Благодаря этимъ достоинствамъ не большое по объему сочиненіе г. Н. Трунева (стр. 1—185) можетъ быть признано вполне достаточнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

17) Инспектора Академіи—и. д. ординарнаго профессора Александра Шостыина о сочиненіи студента *іеромонаха Христофора* (Либермана) на тему: „Пастырское душепопеченіе, его сущность и основы“:

„Желаніе обозрѣть избранный предметъ изслѣдованія въ возможной полнотѣ и цѣлости опредѣлило содержаніе и характеръ всего труда о Христофора. Его *введеніе* (стр. 1—17) начинается, говоря въ буквальномъ смыслѣ, съ Адама. Отъ праотца Адама и его грѣхопаденія авторъ переходитъ затѣмъ къ Аврааму, Моисею, пророкамъ, далѣе — ко Христу Спасителю, Апостоламъ и, наконецъ, къ Церкви—православной, католической и къ протестантскимъ обществамъ. Всю вообще исторію падшаго и искупленнаго человѣчества онъ рассматриваетъ какъ единый актъ воспитанія его къ конечной цѣли—къ достойной встрѣчѣ паки грядущаго Спасителя. „Всѣ отдѣльныя отрасли церковной жизни и дѣятельности, какъ-то: церковное управленіе, судъ, богослуженіе, дисциплина, просвѣтительная и благотворительная дѣятельность,

душепопеченіе,—тѣсно связаны между собою и представляютъ единую пастырскую дѣятельность Церкви, объединенную одной идеей, однимъ духомъ, однимъ направлениемъ“ (стр. 9).

Такой точки зрѣнія авторъ держится и во всемъ дальнейшемъ изложеніи. Поэтому, *первая* и самая обширная часть его труда (*историческая*—стр. 18—124 первой тетради и стр. 1—24 второй тетради) заключаетъ въ себѣ рѣшительно *всю* исторію богоучрежденнаго пастырства, начиная отъ лѣтъ древнихъ Авраама и Моисея и кончая христіанскимъ пастырствомъ XIX вѣка съ его развѣтвленіями въ православіи, католичествѣ и протестантствѣ.

Такой же всеобъемлющей представляется и *вторая* часть изслѣдованія (*систематическая*—стр. 25—116), куда вошли параграфы съ надписаніями; „духовная жизнь“, „внутренняя борьба“; „вліяніе внѣшнихъ условій на духовную жизнь“; „духовное взаимодействіе людей“; „личность и жизнь пастыря, какъ духовнаго руководителя“; „пастырскія задачи Церкви“; „задачи пастыря по отношенію ко всей паствѣ“ и, наконецъ, „пастырское попеченіе объ отдѣльныхъ пасомыхъ“.

Въ свое время о. Христофору было сдѣлано предостереженіе, что при такомъ планѣ работы сочиненіе его можетъ получить видъ конспекта и общаго лишь очерка всего курса пастырскаго богословія. Это предостереженіе теперь и оправдалось, особенно въ *исторической* части разсматриваемаго труда.

На пяти страницахъ сказать что-либо основательное хотя бы о ветхозавѣтномъ пастырствѣ весьма затруднительно. И едва-ли кто усмотритъ серьезное изученіе вопроса въ слѣдующихъ, напр., строкахъ, относящихся къ пророку Іереміи: „Пророкъ Іеремія упрекаетъ пастырей Израильскихъ за то, что они разогнали овецъ и не смотрѣли за ними“ (стр. 22)—и только... Подобнымъ же образомъ блаж. Іерониму удѣлены слѣдующія строки: „Блаж. Іеронимъ въ письмѣ „о жизни клириковъ“ даетъ наставленія пастырямъ; онъ требуетъ въ особенности безкорыстія и заботы о бѣдныхъ: его пастырскія воззрѣнія проникнуты аскетическимъ направлениемъ“ (стр. 98)—и болѣе ни слова о блаж. Іеронимѣ... И даже такимъ великимъ учителямъ пастырства,

какъ Св. Іоаннъ Златоустъ и Григорій Двоесловъ, авторъ могъ удѣлить 1½—2 страницы каждому,—не болѣе... Что же можно сказать основательнаго въ такомъ конспективномъ наброскѣ?

Лучшее впечатлѣніе производитъ *систематическая* часть сочиненія о. Христофора. Здѣсь видно, что онъ серьезно и немало размышлялъ о подвигѣ пастыря, объ его аскетическомъ настроеніи и о служеніи дѣлу спасенія ближнихъ. Аскетическія творенія Св. Отцовъ—подвижниковъ изучены имъ внимательно и наложили печать на самый стиль его. Здѣсь авторъ—въ своей родной сферѣ. И если бы онъ обработалъ болѣе детально эту вторую часть сочиненія, отказавшись отъ попытки объять необъятное въ исторической части, то трудъ его не оставлялъ бы желать лучшаго.

Но, конечно, и въ этомъ видѣ трудъ о. Христофора достаточенъ для степени кандидата богословія“.

18) Заслуженнаго ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Черкасова Владимира* на тему: „Отношеніе христіанъ къ государственной власти по Римл. 13, 1—14 и Матѳ. 22, 15—22“:

„Изъявъ предметъ изъ ложно усвояемой ему многими теологами протестантскаго и католическаго образа мышленія политико-юридической области и поставивъ его изслѣдованіе на морально-христіанскую почву, подъ руководственный лучъ основнаго христіанскаго начала—любви и подъ освѣщеніе идеи государственной власти новозавѣтно-христіанскимъ идеаломъ,—авторъ тѣмъ самымъ открылъ себѣ путь къ правильному и искусному рѣшенію одного изъ важнѣйшихъ, но и труднѣйшихъ, вопросовъ христіанской науки и жизни. Авторъ основательно изучилъ и умѣло использовалъ какъ древнеотеческую литературу, такъ и новѣйшія научныя пособія по текстологіи, филологіи и экзегесу даннаго предмета. Самый предметъ сочиненія въ общемъ раскрытъ всесторонне, изслѣдованъ основательно и изложенъ языкомъ литературно-обработаннымъ, точнымъ и краткимъ. Есть въ сочиненіи нѣкоторые частные недостатки, на примѣръ: принимаемое авторомъ и совершенно неосновательное утвержденіе Гарнака, что 1-е посланіе Петра есть одна изъ позднѣйшихъ по времени написанія книгъ Новаго Завѣта (стр. 7,—

напротивъ, это—одно изъ раннѣйшихъ писаній новозавѣтныхъ, написанное вскорѣ послѣ посланій Ап. Павла къ Коринѳянамъ, Галатамъ и Римлянамъ),—неполно изслѣдованіе изреченія: „не напрасно мечъ носить“, спорно толкованіе выраженія: „за гнѣвъ“,—натянута разсужденіе объ *ἐξδικος*,—слишкомъ коротки и даже поверхностны экскурсы по терминологіи Ап. Павла, особенно *ψυχή* и *πνεῦμα* и др.,—желательно бы также болѣе обстоятельное и отчетливое уясненіе идеальной и эмпирической стороны въ понятіи государственной власти. Но эти частности не понижаютъ довольно высокаго общаго научно-литературнаго уровня работы автора и не препятствуютъ ей не только быть вполне достойною кандидатской диссертацией, но и заслуживать особаго одобренія“.

19) Ординарнаго профессора Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Чубарова Михаила* на тему: „Исторія анти-іудейской полемики въ древнѣйшее время“:

„Тема, избранная авторомъ для своего сочиненія, не смотря на кажущуюся специальность ея, принадлежитъ къ тѣмъ боевымъ пунктамъ современной западно-европейской литературы, относительно которыхъ собираются только матеріалы, но точнаго и опредѣленнаго сужденія еще не составлено. Древняя церковная письменность заявила о себѣ довольно значительнымъ рядомъ трудовъ, направленныхъ противъ іудейства; изъ нихъ нѣкоторая часть, особенно изъ древнѣйшей эпохи, погибла или сохранилась въ отрывочныхъ фрагментахъ и въ слишкомъ общихъ извѣстіяхъ древнихъ писателей. Однако и то, что находится въ распоряженіи современной науки, представляетъ собой сложный и достаточно громоздкій матеріалъ, лежащій еще въ почти необработанномъ видѣ. Литературные памятники древней противо-іудейской полемики давно уже появились въ печати, но вниманіе ученаго міра обращено было на нихъ лишь тогда, какъ А. Harnack своимъ интереснымъ и многосодержательнымъ изслѣдованіемъ „Die Altercatio Simonis Iudaei et Theophili christiani nebst Untersuchungen über die antijüdische Polemik in der alten Kirche (Texte und Unters. 1 Band, 3 Heft, 1883)“ привлекъ общій ученый интересъ къ этого рода литературѣ. Ближайшее послѣд-

ствіе наставшаго подъема интереса къ противо-іудейской полемикѣ древней церкви и сказалось въ появленіи въ печати обработаннаго и полнаго текста памятниковъ этой литературы (напр. Geffert. *Ἀντιβολή Παλιόκου καὶ Φιλώνος πρὸς μονάχον τινα*. Ein antijüdische Dialog. Newiork. 1889; Conybeary. *The dialogues of Athanasios and Zacchäus and of Thimothy und Aquilla*, edited with prolegomena, Oxford 1898), открывавшемъ новые горизонты для изученія вопросовъ, связанныхъ съ исторіей противо-іудейской полемики, при чемъ значительная часть анти-іудейской церковной письменности, правда, позднѣйшаго времени остается и доселѣ незатронутой ни однимъ изслѣдованіемъ.

При этой массѣ необработаннаго матеріала, предлежавшаго Чубарову, вполне естественно, что онъ свою задачу ограничилъ изученіемъ документовъ противо-іудейской полемики только первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Открываетъ онъ свое сочиненіе обзорѣемъ источниковъ для анти-іудейской полемики, касаясь вышеупомянутаго изслѣдованія А. Гарнака лишь со стороны основнаго взгляда его на характеръ анти-іудейской литературы древне-христіанскаго періода, подвергая его сильному критическому разбору, и затѣмъ обзорѣваетъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣ письменные памятники первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, касающіеся его предмета, съ краткимъ очеркомъ ихъ содержанія (1—72 стр.). 2-я глава 1 части излагаетъ взглядъ Циглера на борьбу между іудействомъ и христіанствомъ и критическую оцѣнку его (73—124 стр.). Все это является лишь введеніемъ ко второй части сочиненія Чубарова, которая занимается изслѣдованіемъ самаго содержанія полемики, ея основныхъ мотивовъ и аргументовъ (125—247 стр.) и заканчивается общими замѣчаніями объ историческомъ развитіи полемики (247—254 стр.).

Нельзя сказать, что задача, поставленная себѣ Чубаровымъ, — обзорѣніе полемики противъ іудеевъ за первые три вѣка, превышала его умственные силы или запасъ времени, находившійся въ его распоряженіи, и потому отъ его сочиненія естественно было ожидать большей полноты содержанія, къ тому же и источники, предлежавшіе ему, состояли въ русскихъ переводахъ. Между тѣмъ противоіудейскія творенія Тертуліана и Кипріана затронуты лишь въ общихъ

штрихахъ и не введены въ общую историческую связь. Точно также и іудей, выведенный Цельсомъ въ его „Истинномъ словѣ“ противъ христіанъ, по собственному сознанию автора (72 стр.), остался мало обслѣдованнымъ, хотя онъ заслуживалъ бы всесторонняго вниманія, и это опущеніе представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что подъ руками автора находился нѣмецкій переводъ сочиненія Оригена противъ Целса, откуда почерпаются всѣ свѣдѣнія о выведенномъ Цельсомъ іудеѣ.

Но въ виду не столько сравнительной численности, сколько однообразнаго содержанія изученныхъ авторомъ сочиненій, гдѣ нерѣдко повторяются одни и тѣ же идеи, методъ и аргументація полемики, указанные недочеты его труда отступаютъ на второй планъ. Важно то, что въ разработкѣ своей темы ему удалось встать на самостоятельный путь. Сюда относится снова введенный имъ въ исторію анти-іудейской полемики отдѣлъ, основанный на изученіи памятниковъ новозавѣтной, апостольской письменности, гдѣ уже намѣчены не только основные принципы послѣдующей полемики, но методъ, доказательства и главныя направленія. Исключительное вниманіе авторъ отдаетъ анализу важнѣйшаго памятника этого рода литературы—„диалогу Іустина философа съ Трифономъ іудеемъ“,—сохранившагося до нашего времени вполне. Детальность анализа, полнота и систематичность изложенія какъ аргументацій Іустина, такъ и возраженій Трифона, дѣлаютъ страницы, обсуждающія этотъ вопросъ, одной изъ обработанныхъ и самостоятельныхъ частей его изслѣдованія. По этимъ лучшимъ сторонамъ своего сочиненія М. Чубаровъ вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

в) Прошеніе студента 4-го курса *Василія Теплова*:

„Вслѣдствіе нервнаго разстройства, лишившаго меня возможности правильно вести занятія въ теченіе академическаго года, и особенно обострившагося къ концу года, такъ что я принужденъ былъ отказаться отъ сдачи трехъ выпускныхъ испытаній (по Пастырскому и Догматическому богословію и Св. Писанію Вѣтхаго Завѣта), почтительнѣйше прошу Совѣтъ Академіи оставить меня на повторительный курсъ“.

Справка: 1) §§ 132—138 и 81, лит. б. п. 10 и лит. а. п. 5

устава духовныхъ академій 1884 года.—2) Опреѣленіе Святѣйшаго Синода отъ $\frac{5 \text{ марта}}{11 \text{ апрѣля}}$ 1892 года за № 590.—3) Циркулярный указъ Святѣйшаго Синода отъ 8 апрѣля 1904 года за № 3—4) Всѣ окончивающіе нынѣ курсъ 22 студента пользовались казеннымъ содержаніемъ или въ Академіи, или въ Семинаріи.

Опредѣлили: 1) Окончившихъ полный академическій курсъ студентовъ:

- 1) Кудрявцева Николая,
Виноградова Василия,
Калишевича Евстаѳа,
Поспѣлова Ивана.
- 5) Трїодина Александра,
Соколова Александра,
Геромонаха Серафима (Звѣздинскаго),
Назарьева Николая,
Наумова-Сергіева Сергѣя,
- 10) Соловьева Сергѣя,
Чубарова Михаила,
Соловьева Владиміра,
Черкасова Владиміра,
Геромонаха Христофора (Либермана) и
- 15) Самарянова Александра—

удостоить степени *кандидата богословія*, съ предоставленіемъ имъ права при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній;

- Скворцова Николая,
Пятницкаго Владиміра,
Поцова Петра и
Трунева Николая—

удостоить степени *кандидата богословія*, съ правомъ на полученіе степени магистра по исполненіи требованій, означенныхъ въ § 137 академическаго устава;

- 20) Заслоновскаго Стефана,
Севастьянова Павла и
- 22) Шурупова Сергѣя—

удостоить званія *дѣйствительнаго студента Академіи*, съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительныхъ кандидатскихъ сочиненій,—какое постановленіе и представить

предварительно на Архипастырское утверждение Его Высокопреосвященства.

Въ случаѣ утвержденія Его Высокопреосвященствомъ постановленія, изложеннаго въ п. 1-мъ,—

2) Объ окончившихъ нынѣ академическій курсъ воспитанникахъ, имѣющихъ священный санъ, доставить, установленнымъ порядкомъ, Святѣйшему Синоду свѣдѣнія, требуемая Синодальнымъ опредѣленіемъ отъ ^{3 марта}_{11 а рѣля} 1892 года за № 590.—Таковыя же свѣдѣнія о прочихъ воспитанникахъ сообщить Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ.

3) По изготовленіи дипломовъ на степень кандидата богословія и аттестатовъ на званіе дѣйствительнаго студента,— всѣ документы вышепоименованныхъ 22-хъ воспитанниковъ Академіи препроводить въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ.

4) Студента IV-го курса *Теплова* Василия, согласно его прошенію, по болѣзни, оставить въ томъ же курсѣ на второй годъ.

5) Студентамъ: *Георгиевичу* Георгію, босн. уроженцу, *Давыдову* Алексѣю, *Затрєву* Александру, *Ключеву* Алексѣю, *Лебедеву* Сергѣю, *Околовичу* Николаю, *Рождественскому* Григорію и *геромонаху Ювеналію* (Машковскому) объявить, что для полученія ученыхъ степеней и званій они должны сдать устные испытанія по предметамъ 4-го курса и представить обязательныя письменныя работы за 2, 3 и 4 курсъ — не позднѣе 1-го января будущаго 1910 года.

II. Предложеніе О. Ректора Академіи *Архимандрита* *Феодора*:

„Долгомъ считаю предложить Совѣту Академіи избрать кого-либо изъ нынѣ окончившихъ академическій курсъ студентовъ для приготовления въ наступившемъ 1909 — 1910 учебномъ году къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ въ Академіи“.

Справка: 1) § 54 устава духовныхъ академій: „Для приготовления къ занятію преподавательскихъ вакансій въ академіи Совѣту предоставляется оставлять при оной на годичный срокъ наиболѣе даровитыхъ студентовъ, кончившихъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. *Примѣчаніе.* Лица сіи получаютъ содержаніе изъ особо назначенныхъ для того суммъ, въ размѣрѣ не свыше 700 рублей на cadaго“.—2) По § 81

лит. б п. 5 того же устава „оставленіе при академіи кончившихъ курсъ студентовъ, для приготовленія къ занятію преподавательскихъ кафедръ въ оной, и назначеніе имъ содержанія“ значитъ въ числѣ дѣла Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Оставить на 1909—1910 учебный годъ въ Академіи, для приготовленія къ занятію преподавательскихъ кафедръ въ оной, окончившихъ нынѣ академической курсъ воспитанниковъ *Николая Кудрявцева* и *Василія Виноградова*, съ производствомъ имъ, съ 16 го августа текущаго 1909-го года, содержанія по 700 рублей въ годъ каждому, за вычетомъ 3-хъ процентовъ на пенсіи. 2) Постановленіе сіе представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

III. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Встхсвятскаго*:

„Честь имѣю доложить Совѣту Академіи, что три дѣйствительныхъ студента Академіи: *Леонидъ Смирновъ* (выпуска минувшаго 1908 года), *Борисъ Добротворцевъ* и *Алексѣй Поповъ* (выпуска текущаго 1909 года), удостоенные при выпускѣ сего званія съ правомъ на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительныхъ кандидатскихъ сочиненій,—въ теченіи каникулярнаго времени представили означенныя сочиненія, которыя рассмотрѣны подлежащими г.г. наставниками Академіи и признаны удовлетворительными для искомой степени. Изъ поименованныхъ лицъ — дѣйствительный студентъ *Борисъ Добротворцевъ* имѣетъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года академическаго курса баллъ выше 4¹/₂“.

б) Отзывъ доцента *Ильи Громогласова* о сочиненіи дѣйствительнаго студента *Смирнова Леонида* на тему: „Мѣропріятія гражданской и церковной власти по отношенію къ расколу въ царствованіе Императора Александра II (1855—1881 г.г.)“:

„Обширное произведеніе г. Смирнова состоитъ, кромѣ небольшого введенія, изъ двухъ главъ, изъ которыхъ первая занимаетъ лл. 5—92 об., а на долю второй приходятся остальные лл. 93—105. Такая неравномѣрность обусловлена не столько существомъ дѣла, сколько характеромъ

источниковъ и пособій, бывшихъ подъ руками автора при изученіи мѣропріятій власти гражданской (гл. I) и церковной (гл. II) въ отношеніи къ расколу за указанный періодъ. Этою же причиною, нужно думать, объясняется и неодинаковость литературныхъ приемовъ сочинителя въ той и другой части его труда: въ первой главѣ онъ разсматриваетъ, слѣдуя хронологическому порядку, не только соответствующія мѣропріятія гражданскаго правительства, но и предварительную разработку ихъ въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, пользуясь опубликованными въ печати матеріалами и обильно воспроизводя довольно обширныя выдержки изъ нихъ; въ главѣ второй, напротивъ, дается лишь краткій систематическій обзоръ самыхъ мѣропріятій власти духовной, переходящій иногда въ простой перечень ихъ. Кромѣ указанной невыдержанности приемовъ разсматриваемой работы, къ недостаткамъ ея нужно отнести неполноту изслѣдованія, оставляющаго совершенно незатронутыми или, по крайней мѣрѣ, не достаточно освѣщенными нѣкоторыя изъ правительственныхъ мѣропріятій, подлежащихъ изученію. При всемъ томъ автору сочиненія нельзя отказать ни въ достаточной степени трудолюбія и усердія въ разработкѣ даннаго вопроса, ни въ способности и навыкѣ къ учено-литературной работѣ. Признаю его достойнымъ искомой степени“.

в) Отзывъ доцента Анатолія Орлова о сочиненіи дѣйствительнаго студента *Добротворцева Бориса* на тему: „Религіозная философія католическихъ французскихъ модернистовъ“:

„Небольшое по объему сочиненіе г. Добротворцева посвящено характеристикѣ и критической оцѣнкѣ религіозно-философскихъ предпосылокъ католическаго модернистическаго богословія во Франціи. По своему плану работа г. Добротворцева распадается на слѣдующія части. Отмѣтивъ въ краткомъ „введеніи“ (3—19 стр.), какъ основную черту модернистическаго богословія, теоретическій адогматизмъ, создающій немаловажныя затрудненія для сужденій о модернизмѣ, какъ научно-богословской школѣ, авторъ въ слѣдующей главѣ (19—60 стр.) даетъ общую характеристику религіозной философіи модернизма, отмѣчая, съ религіозной стороны, стремленія модернистовъ не порывать связи съ

общецерковной догматической традиціей, а съ философской стороны,—преобладаніе у нихъ гносеологическихъ интересовъ, которые частіе опредѣляются, какъ критицизмъ или динамическій релятивизмъ (противоположный до-кантовскому статическому раціонализму)—и прагматизмъ, выдвигающій на первый планъ принципъ практической цѣнности тѣхъ или другихъ элементовъ нашего познанія. Въ дальнѣйшей главѣ (60—130 стр.) авторъ частіе характеризуетъ религиозно-философскія воззрѣнія французскихъ модернистовъ, раскрывая отношеніе модернистической прагматической гносеологии къ схоластическому богословію, — и даетъ общій очеркъ положительныхъ основъ новаго богословія у католическихъ модернистовъ. Еще болѣе специальную характеристику религиозной философіи модернистовъ г. Добротворцевъ даетъ въ заключительной главѣ своего сочиненія, посвященной изложенію взглядовъ Леруа на сущность догмата, наглядно иллюстрирующихъ общее направленіе модернистической гносеологии. Свое изслѣдованіе авторъ заканчиваетъ (163—227 стр.) сжатой критикой религиозной философіи модернистовъ, блестяще вскрывающей ея неудовлетворительность какъ для прогрессивно-научной философской мысли, для которой и въ модернистической теоріи догмата остается извѣстнаго рода нарушеніе автономіи разума, такъ и для церковно-традиціоннаго сознанія, которое не можетъ примириться съ понятіемъ о догматѣ, какъ только символѣ, — „сужденіи цѣнности“, а всегда трактовало и трактуетъ догматы, какъ опредѣленнаго рода философію, съ положительнымъ интеллектуальнымъ содержаніемъ.

Какъ опытъ изложенія и оцѣнки религиозной философіи модернизма, сочиненіе г. Добротворцева отличается крупными достоинствами. Въ основѣ работы автора лежитъ несомнѣнное близкое знакомство его какъ съ главнѣйшими трудами французскихъ представителей модернистической религиозной философіи (Блондель, Лабертоньеръ, Леруа), такъ и съ критической литературой о ней (Бурдо, Буа и др.). Но не въ количественной полнотѣ изученія авторомъ источниковъ и пособій его темы лежитъ главная цѣнность его работы. Съ этой стороны, пожалуй, автору можно даже поставить въ минусъ недостаточно широкое знакомство его съ литературой своего вопроса, въ значительномъ количествѣ

появившейся за послѣдніе годы и въ видѣ отдѣльныхъ монографій и въ видѣ журнальныхъ статей,—которая, конечно, обогатила бы его сочиненіе многими интересными и цѣнными штрихами. Выдающимся достоинствомъ сочиненія г. Добротворцева является незаурядная талантливая обработка вошедшаго въ его тему матеріала, обнаруживающая и значительную общую освѣдомленность автора въ философіи, и тонкое пониманіе затрогиваемыхъ философскихъ проблемъ и мастерское перо зрѣлаго литературнаго работника. Авторъ обладаетъ умѣніемъ на нѣсколькихъ страницахъ охватывать самую сущность характеризуемыхъ теченій философской мысли, обрисовывать ихъ въ строго-отчетливыхъ и ясныхъ терминахъ, благодаря чему—его работа, при незначительности своего объема, даетъ цѣлостный обликъ модернистической религіозной философіи. Недостатокъ времени помѣшала автору обрисовать предметъ своего изслѣдованія въ такой широкой историко-философской перспективѣ, какая, какъ мы знаемъ, предносилась ему въ началѣ его работы: мы надѣмся, что этотъ пробѣлъ будетъ восполненъ авторомъ при его дальнѣйшей работѣ въ области избранной имъ темы. Степени кандидата авторъ вполне заслуживаетъ".

г) Отзывъ доцента Ильи Громогласова о сочиненіи дѣйствительнаго студента *Попова Алексѣя* на тему: „Раскольническая бѣлокриницкая іерархія съ канонической точки зрѣнія“:

„Названное сочиненіе должно быть отнесено къ разряду скромныхъ, но добросовѣстныхъ студенческихъ курсовыхъ работъ. Не претендуя на новизну и оригинальность разработки своей темы, авторъ, видимо, поставилъ свою задачу—тщательно разобраться во всемъ томъ, что уже высказано въ противораскольническо-полемиической литературѣ по вопросу о незаконности австрійской іерархіи, и дать краткій сводъ наиболѣе вѣскихъ аргументовъ, доказывающихъ ея неканоничность съ точки зрѣнія православной церкви и даже самихъ старообрядцевъ, принявшихъ митрополита Амвросія отъ мнимой ереси чрезъ „второй чинъ“ въ сущемъ санѣ. Такая задача выполнена г. Поповымъ вполне удовлетворительно: не гоняясь за обиліемъ своего полемическаго арсенала въ ущербъ его доброкачественности (единственный,—кажется, случай увлеченія въ противоположную сторону

представляетъ наивное разсужденіе о „другопреемствѣ“ на стр. 51—52), онъ, однако, не опустилъ ничего дѣйствительно цѣннаго изъ доказательствъ въ пользу защищаемой имъ мысли и представилъ ихъ въ простой, естественной группировкѣ, изложивъ языкомъ сжатымъ, яснымъ и литературнымъ. Считаю этотъ трудъ совершенно достаточнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

Опредѣлили: 1) Дѣйствительныхъ студентовъ Академіи Леонида *Смирнова*, Бориса *Добротворцева* и Алексѣя *Попова* удостоить степени кандидата богословія, съ предоставленіемъ *Добротворцеву* права при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній.—2) Постановленіе сіе представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

IV. Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всѣхсвятскаго*:

„Честь имѣю доложить Совѣту Академіи, что изъ 20-ти студентовъ первыхъ трехъ курсовъ, коимъ, по опредѣленію Совѣта отъ 10-го іюня с. г., разрѣшено было сдать устныя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ,—воспользовались ко дню настоящаго собранія означеннымъ разрѣшеніемъ и получили какъ на устныхъ испытаніяхъ, такъ и на письменныхъ работахъ удовлетворительные баллы слѣдующіе студенты: III-го курса—*Архангельскій* Владиміръ, *Уаровъ* Петръ и *Харитоновъ* Сергѣй; II-го курса—свщ. *Борисовъ* Василій, *Вавресюкъ* Иванъ и *Покровскій* Александръ; I-го курса—свщ. *Авдашкевичъ* Петръ, свщ. *Архангельскій* Леонидъ, свщ. *Безсоновъ* Николай, *Рудневъ* Николай, *Рязановскій* Сергѣй, *Сахаровъ* Сергѣй и *Соболевъ* Владиміръ“.

Справка: По § 81 лит. а п. 5 устава духовныхъ академій „переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Поименованныхъ въ докладѣ студентовъ перевести въ слѣдующіе курсы и дать соотвѣтствующія имъ успѣхамъ и поведенію мѣста въ разрядныхъ спискахъ.

V. Прошение студента III курса Академіи *Александра Суханова*:

„Такъ какъ состояніе моего здоровья не позволяетъ мнѣ сдать экзамены для перехода на четвертый курсъ Академіи, то прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ оставленіи меня на третьемъ курсѣ. При семъ прилагаю свидѣтельство врача о своей болѣзни“ (neurasthenia gravis).

Справка: 1) По § 134 устава духовныхъ академій: „Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіи четырехлѣтняго академическаго курса“.—2) Студентъ Александръ Сухановъ уже былъ оставленъ, съ разрѣшенія Совѣта отъ 23-го сентября 1908 года, на второй годъ въ 3-мъ курсѣ, также вслѣдствіе болѣзни.

Опредѣлили: Принимая во вниманіе очень хорошіе успѣхи и отличное поведеніе студента Александра Суханова за предшествующіе учебные годы и признавая настоящую просьбу его заслуживающею уваженія,—просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи оставить Суханова въ 3-мъ курсѣ на третій годъ.

VI. Прошение студента IV-го курса *священника Александра Литвиненко* (на имя О. Ректора Академіи):

„Покорнѣйше прошу Ваше Высокопреподобіе разрѣшить мнѣ въ этомъ 1909—1910 учебномъ году сверхъ предметовъ 4-го курса слушать еще лекціи по Психологіи и Гомилетикѣ. По Психологіи лекціи не читались, когда я былъ на второмъ курсѣ (1906—1907 уч. годъ), такъ какъ профессоръ уѣзжалъ за границу; также не читались лекціи и по Гомилетикѣ на третьемъ курсѣ въ прошломъ 1908—1909 учебномъ году.

Изъ предметовъ, назначенныхъ къ чтенію на 4-мъ курсѣ въ этомъ 1909—1910 учеб. году, я прослушалъ уже и выдержалъ экзаменъ по Нравственному Богословію, будучи на 2-мъ курсѣ.

Покорнѣйше прошу Ваше Высокопреподобіе не отказать мнѣ въ просимомъ мною, чтобы я имѣлъ возможность закончить академическій курсъ въ этомъ 1909—1910 учебномъ году*.

Опредѣлили: Разрѣшить студенту 4-го курса священнику Александру Литвиненко слушать въ текущемъ году, вмѣстѣ съ студентами 2-го курса, лекціи по гомилетикѣ и психологій, освободивъ его отъ слушанія лекцій и сдачи испытанія по нравственному богословію.

VII. а) Заявленіе О. Ректора Академіи *Архимандрита Теодора*:

„Считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Совѣта Академіи, что въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, именно поздняго полученія отъ Правленія духовныхъ семинарій свидѣтельствъ объ успѣшномъ выдержаніи дополнительныхъ испытаній на званіе студента семинарій,—г. Инспекторомъ Академіи—профессоромъ А. П. Шостынымъ допущенъ былъ (уже послѣ того, какъ студентами духовныхъ семинарій представлены были письменныя работы) къ сдачѣ *устныхъ* пріемныхъ испытаній для поступления въ число студентовъ Академіи состоявшій въ теченіи трехъ лѣтъ вольнымъ слушателемъ академическихъ лекцій *діаконъ Александръ Крупкинъ*; а мною, уже по окончаніи *всѣхъ* пріемныхъ испытаній, допущенъ былъ къ сдачѣ таковыхъ также трехлѣтній вольнослушатель Академіи *діаконъ Сергій Фрязиновъ*.—Какъ разсмотрѣніе письменныхъ работъ *діаконовъ Крупкина и Фрязинова*, такъ и оцѣнка познаній послѣдняго въ предметахъ семинарскаго курса произведены были тѣми же комиссіями изъ г.г. наставниковъ Академіи, которые, по утвержденію Его Высокопреосвященствомъ росписанію, производили въ текущемъ году пріемныя испытанія прочихъ студентовъ духовныхъ семинарій.—Отмѣтки экзаменовавшимися получены слѣдующія:

1) *діакономъ Александромъ Крупкинымъ*:

а) *на устныхъ испытаніяхъ*: по Священному Писанію Вѣтхаго Завѣта—4—, Священному Писанію Новаго Завѣта—5—, догматическому богословію—4—, общей церковной исторіи—3 и латинскому языку—2¹/₂;

б) *на письменныхъ работахъ*: по обличительному богословію—3, философіи—3¹/₂ и на поученіи—5—.

2) *діакономъ Сергіемъ Фрязиновымъ*:

а) *на устныхъ испытаніяхъ*: по Священному Писанію Вѣт-

хаго Завѣта—4, Священному Писанію Новаго Завѣта—4, общей церковной исторіи—3 и латинскому языку—3.

б) на письменныхъ работахъ: по обличительному богословію—3+, философіи—4 и на поученіи—5.

По этимъ отмѣткамъ діаконъ Крупкинъ и Фрязиновъ могли бы занять въ общемъ разрядномъ спискѣ удостоенныхъ приѣма въ Академію 32-е и 17-е мѣста“.

б) Прошеніе бывшихъ вольнослушателей Академіи: священника Алексія Рождественскаго, діакона Теодора Маркова (удостоенныхъ приѣма въ число студентовъ Академіи по опредѣленію Совѣта отъ 31 августа сего года), діакона Александра Крупкина и діакона Сергія Фрязинова:

„Вмѣстѣ со студентами мы прослушали лекціи за первые три курса Академіи, причѣмъ подавали курсовыя письменныя работы, а въ настоящемъ году сдали вступительныя экзамены въ Академію. Посему имѣемъ честь почтительнѣйше ходатайствовать предъ Совѣтомъ Духовной Академіи разрѣшить намъ сдать переводныя курсовыя испытанія для зачисленія насъ въ составъ IV-го курса.—“

Спраака: 1) По § 81 лит. б п. 1 устава духовныхъ академіи „зачисленіе въ студенты академіи“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.—2) Вольные слушатели академическихъ лекцій—священникъ Рождественскій и діаконъ Марковъ, Крупкинъ и Фрязиновъ дѣйствительно въ продолженіи трехъ учебныхъ годовъ (1906—1907, 1907—1908 и 1908—1909) усердно посѣщали академическія лекціи и представляли, хотя и неофициально, письменныя работы наравнѣ съ студентами настоящаго IV-го курса Академіи.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи:

а) принять діаконѣвъ Александра Крупкина и Сергія Фрязинова въ число своекоштныхъ студентовъ I-го курса Академіи, и

б) допустить ихъ, а также и ранѣе удостоенныхъ приѣма въ число студентовъ бывшихъ вольнослушателей Академіи—священника Алексія Рождественскаго и діакона Теодора Маркова къ сдачѣ устныхъ переводныхъ испытаній по предметамъ I, II и III курсовъ Академіи, для зачисленія, въ

случаѣ успѣшнаго выдержанія таковыхъ, въ списки студентовъ IV-го курса.

VIII. Сданное Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1909 г. Сент. 2. Въ Правленіе Московской Академіи для отзыва“—прошеніе на имя Его Высокопреосвященства священника Курской епархіи *Іоанна Родіонова*.

„Честь имѣю почтительнѣйше просить Ваше Высокопреосвященство оказать мнѣ возможное содѣйствіе къ зачисленію меня въ студенты перваго курса Московской Духовной Академіи. Приемныя испытанія я выдержалъ (общая сумма балловъ—42^{1/2}), но не принятъ вслѣдствіе заполнения нормы—50 человекъ. Въ академическомъ обществѣ я, какъ семейный, жить не предполагалъ, а потому осмѣливаюсь надѣяться, что Вы снизойдете ко мнѣ и дадите мнѣ возможность осуществить мое давнишнее желаніе получить высшее богословское образованіе“.

Опредѣлили: 1) Почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что священникъ Іоаннъ Родіоновъ не былъ удостоенъ Совѣтомъ Академіи приѣма въ число студентовъ по слѣдующей причинѣ: дѣйствительно занявъ въ общемъ разрядномъ спискѣ державшихъ приемныя испытанія мѣсто ниже 50-го, онъ имѣлъ, кромѣ того, два неудовлетворительныхъ балла на устныхъ испытаніяхъ по Священному Писанію Новаго Завѣта (2^{1/2}) и общей церковной исторіи (2+).

2) Прошеніе священника Родіонова приложить къ журналу настоящаго собранія.

IX. Прошеніе студента I-го курса Академіи *Федора Андреева*:

„Представляя при семъ свидѣтельство г-на врача Академіи, покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ, вслѣдствіе моей болѣзненности, жить на частной квартирѣ при родителяхъ или другихъ родственникахъ, имѣющихъ вскорѣ переѣхать на жительство въ Троице-Сергіевъ Посадъ“.

Справка: 1) Изъ приложеннаго къ прошенію свидѣтельства академическаго врача С. Н. Успенскаго видно, что студентъ Андреевъ „страдаетъ съ 11 лѣтъ порокомъ сердца на рев-

матической почвѣ и диспепсіей желудка, малокровенъ, непривыченъ къ общежитію; принимая во вниманіе указанныя недуги, онъ крайне нуждается въ интересахъ своего слабаго здоровья въ разрѣшеніи жить на частной квартирѣ при хорошихъ условіяхъ“.—2) Указомъ Святѣйшаго Синода на имя Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, отъ 12-го октября 1906-го года за № 11174, Совѣту Кіевской Духовной Академіи предоставлено „право разрѣшать студентамъ сей Академіи, не имѣющимъ въ г. Кіевѣ родителей и состоящимъ на казенномъ содержаніи, въ исключительно важныхъ случаяхъ, на примѣръ, болѣзни, нервнаго разстройства, надлежаше удостовѣренныхъ, проживать на частныхъ квартирахъ и получать на руки стипендіальныя деньги, съ тѣмъ, однако, чтобы студенты, перешедшіе съ разрѣшенія Совѣта на квартиру, въ томъ же учебномъ году не возбуждали ходатайства о перемѣщеніи ихъ обратно въ академическій корпусъ“.—3) Отъ пользования назначенной ему казенной стипендіей студентъ Андреевъ отказался.

Опредѣлили: По вниманію къ засвидѣтельствованному академическимъ врачомъ болѣзненному состоянію студента I-го курса Федора Андреева и примѣнительно къ изложенному въ справкѣ указу Святѣйшаго Синода отъ 12-го октября 1906 года за № 11174,—разрѣшить Андрееву жить внѣ академическаго общежитія, на частной квартирѣ.

X. Прошеніе священника Богородицкой церкви села Поливанова, Михайловскаго уѣзда, Рязанской губерніи, *Павла Абрамкина:*

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Профессоровъ принять меня въ число студентовъ третьяго курса Московской Духовной Академіи.

Два курса академическаго образованія закончены мною въ 1907 году въ Кіевской Духовной Академіи. По переходѣ на третій курсъ увольняясь изъ Академіи, я имѣлъ въ виду въ скоромъ времени продолжать богословское образованіе въ санѣ священника, и теперь усердно прошу Совѣтъ Профессоровъ разрѣшить мнѣ продолжать образованіе въ Московской Духовной Академіи, какъ наиболѣе удобной для меня, между прочимъ, по близости разстоянія отъ моей родины—Рязани.

Документы, касающіеся моего образованія и священническаго служенія, высланы Рязанской Духовной Консисто-ріей“.

Опредѣлили: 1) Просьбу священника Абрамкина о приня-тіи его въ число студентовъ Московской Духовной Акаде-міи отклонить, о чемъ и увѣдомить его чрезъ академиче-скую Канцелярію.—2) Документы его возвратить въ Рязан-скую Духовную Консисторію.

XI. Предложеніе О. Ректора Академіи *Архимандрита Тео-дора:*

„Г.г. наставниками Академіи доставлены мнѣ программы преподаваемыхъ ими наукъ на 1909—1910 учебный годъ. — На основаніи § 81 лит. а п. 3 устава духовныхъ академій предлагаю эти программы на разсмотрѣніе и утвержденіе Совѣта“.

Опредѣлили: Признавая представленныя г. г. наставниками Академіи программы преподаваемыхъ ими наукъ на 1909 — 1910 учебный годъ соответствующими требованіямъ акаде-мическаго устава и научной постановкѣ предметовъ,—про-граммы эти утвердить.

XII. Прошеніе исправляющаго должность доцента Акаде-міи по кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологии *священника Е. А. Воронцова:*

„Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи пре-доставить мнѣ вакантную должность лектора французскаго языка въ Академіи“.

Спраака: 1) § 49 устава духовныхъ академій: „Лекторы язы-ковъ опредѣляются по предварительномъ удостовѣреніи Со-вѣта въ ихъ свѣдѣніяхъ и способностяхъ къ преподаванію. *Примѣчаніе.* Въ случаѣ крайней нужды Совѣтъ можетъ до-пустить къ преподаванію новыхъ языковъ и наличныхъ преподавателей Академіи“ —2) По § 81 лит. б п. 4 академи-ческаго устава—избраніе кандидатовъ на должности лекто-ровъ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представ-ляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопре-освященствомъ объ опредѣленіи п. д. доцента священника Евгенія Воронцова на вакантную нынѣ, за увольненіемъ

отъ академической службы и д. доцента и лектора Д. Г. Коновалова, должность лектора французскаго языка въ Академіи.

XIII. Имѣли сужденіе:—О мѣрахъ къ исполненію послѣднихъ распоряженій Святѣйшаго Синода (по учебной части), изложенныхъ въ указѣ отъ 18-го іюня с. г. за № 8943.

Опредѣлили: 1) Предложить г. г. наставникамъ Академіи представить предъ экзаменами О. Ректору отчетъ о прочитанномъ ими на лекціяхъ въ теченіи даннаго учебнаго года и экзаменаціонные конспекты, — для напечатанія послѣднихъ.—2) Предложить г. бібліотекарю Академіи представить къ ближайшему собранію Совѣта Академіи докладъ о состояніи бібліотечныхъ каталоговъ и о мѣрахъ къ ихъ составленію и напечатанію.—3) Студентамъ всѣхъ курсовъ объявить, что съ текущаго учебнаго года они обязаны будутъ сдавать устныя испытанія по курсу, дѣйствительно прочитанному преподавателемъ той или другой науки, а не по стороннимъ пособіямъ.—4) О назначеніи вторыхъ рецензентовъ сочиненій, имѣющихъ быть представленными студентами IV-го курса на соисканіе степени кандидата богословія, — имѣть особое сужденіе въ началѣ 2-го полугодія текущаго 1909—1910 учебнаго года.

XIV.—О замѣщеніи вакантныхъ въ Академіи каѳедръ: *біблейской исторіи, гомилетики и исторіи проповѣдничества, греческаго языка и его словесности и новой гражданской исторіи*, — причѣмъ присутствующими въ собраніи указаны были лица, которыхъ они считаютъ достойными и правоспособными кандидатами для занятія той или другой каѳедры.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе, что каѳедра новой гражданской исторіи, по опредѣленіямъ Совѣта Академіи отъ 12 іюня и 6 сентября 1908 года, предложена была экстраординарному (нынѣ ординарному) профессору Императорскаго Московскаго Университета *А. Н. Савину*, просить О. Ректора Академіи войти въ сношеніе съ проф. Савинымъ для окончательнаго выясненія вопроса о согласіи его занять означенную каѳедру съ текущаго 1909—1910 учебнаго года.—2) Сужденіе о названныхъ кандидатахъ и избраніе ихъ на каѳедры отложить до слѣдующаго собранія Совѣта Академіи.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1909 г. Сент. 30. По ст. XII. И. д. доцента священникъ Воронцовъ Евгеній опредѣляется на вакантную должность лектора французскаго языка. Прочее утверждается“. Въ текстѣ журнала: а) противъ ст. V—„Согласенъ“; б) противъ ст. VII—„Разрѣшается“.—

4 сентября 1909 года.

№ 11.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Архимандрита Теодора, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ, заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій и С. П. Смирновъ; доценты—И. М. Громогласовъ и А. П. Орловъ; исправляющіе должность доцента—священникъ Е. А. Воронцовъ, С. П. Знаменскій и П. А. Флоренскій и лекторъ В. П. Лучининъ.

Отсутствовали: Ординарные профессора А. И. Введенскій (по нахожденію въ командировкѣ) и С. С. Глаголевъ (по нахожденію въ отпускѣ), доцентъ М. М. Богословскій, исправляющіе должность доцента—Ө. М. Россейкинъ, священникъ Д. В. Рождественскій (всѣ трое—по болѣзни) и Н. Л. Туницкій (по нахожденію въ отпускѣ).

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1909 г. Іюля 2. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 23-го іюня за № 14:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 22 минувшаго Мая за № 1042, журналъ Учебнаго Комитета, № 219, по представленіямъ о результатахъ повторныхъ приемныхъ испытанийъ въ духовныхъ академіяхъ въ началѣ 1907—8 учебнаго года. Изъ представленныхъ свѣдѣній о бывшихъ испытаніяхъ усматривается, что 1) въ письменныхъ работахъ на этихъ испытаніяхъ обращаютъ на себя вниманіе два недостатка: а)

проповѣди пишутся безъ живого сознанія ихъ важнаго значенія, и б) авторы сочиненій не обнаруживаютъ во многихъ случаяхъ должныхъ знаній по богословію и особенно философіи и твердыхъ научныхъ убѣжденій, свидѣтельствующихъ о вдумчивомъ отношеніи къ изучаемому; 2) Комиссіи, производившія устныя испытанія, отмѣчаютъ пониженіе общаго уровня семинарскаго образованія и ослабленіе усердія къ богословской наукѣ, сравнительно съ прежними годами, и выражаютъ пожеланія: а) по Св. Писанію Ветхаго Завѣта—чтобы нашъ семинарско-схоластическій экзегесисъ, сойдя со своихъ традиціонно-шаблонныхъ основъ, сталъ на новую, болѣе цѣлесообразную и живую, историко-апологетическую почву и чрезъ это приблизился бы, насколько это возможно для средней спеціально-богословской школы, къ уровню современныхъ знаній въ области бібліологіи и ориентологіи (Моск. акад.); б) по догматическому богословію—„комиссія желала бы видѣть: а) болѣе синтетическое и жизненное усвоеніе матеріала догматическаго богословія; б) твердость и отчетливость въ усвоеніи текста, по возможности, въ его соотношеніи съ контекстомъ, в) болѣе основательное знакомство съ исторіей догматовъ, значительно облегчающее пониманіе ихъ развитія и внутренней сущности“ (Кіев. акад.); г) по общей церковной исторіи высказывается „мысль о необходимости обзавестись церковно-историческими христоматіями съ избранными, наиболѣе выдающимися произведеніями древнихъ церковныхъ писателей въ краткихъ, но характерныхъ выдержкахъ изъ нихъ, съ необходимыми примѣчаніями. Въ гимназіяхъ, напримѣръ, существуютъ же христоматіи съ избранными произведеніями свѣтскихъ писателей, дающими учащемуся наглядно ознакомиться съ ними и, естественно, вызывающими у него интересъ къ нимъ. Почему бы и духовной школѣ не обзавестись ими?“ (Моск. акад.). Сверхъ сего указывается на неудовлетворительность семинарскаго учебника по общей церковной исторіи: „явная спутанность и невѣрность изложенія, напр., аріанскихъ споровъ послѣ Никейскаго собора, общія фразы или ненужныя разсужденія, а иногда ненужныя подробности вмѣсто болѣе сжатаго, но и болѣе содержательнаго и яснаго изложенія въ отдѣлахъ о церковномъ управленіи и богослуженіи, сухіе перечни сочиненій писателей церковныхъ, не сопровождае-

мые поясненіями и характеристиками, несоотвѣтствіе въ разныхъ случаяхъ изложенія современному состоянію науки“ (С.-Петер. акад.). Приказали: Разсмотрѣвъ означенныя представленія, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: поручить Епархіальнымъ Преосвященнымъ предложить Правленіямъ подвѣдомыхъ имъ духовныхъ семинарій: а) усилить заботы о возвышеніи общаго уровня знаній и развитія семинарскихъ воспитанниковъ, особливо по предметамъ богословскимъ и философскимъ, и б) въ частности принять мѣры къ устраненію на будущее время недостатковъ, обнаруженныхъ въ устныхъ и письменныхъ отвѣтахъ семинарскихъ воспитанниковъ на приѣмныхъ испытаніяхъ въ духовныхъ академіяхъ въ 1907—8 учебномъ году; о чемъ и послать Преосвященнымъ печатные циркулярные указы, съ прописаніемъ вышеизложеннаго извлеченія изъ отчетовъ объ испытаніяхъ“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

II. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1909 г. Іюля 23. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 18 іюля за № 10096:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) прошеніе студента II курса Московской духовной академіи, турецкоподданнаго серба *Ефрема Игумановича*, отъ 8 минувшаго іюня, съ приложеніемъ свидѣтельства врача академіи, о переводѣ его въ Кіевскую духовную академію, въ виду неблагоприятныхъ для его здоровья климатическихъ условій въ Сергіевомъ посадѣ, и 2) отзывъ Правленія Московской академіи, отъ 24 того же іюня за № 304, о томъ, что изъясненное прошеніе Игумановича признается заслуживающимъ удовлетворенія. Приказали: Разсмотрѣвъ вышеозначенное прошеніе и отзывъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: перемѣстить студента II курса Московской духовной академіи Ефрема Игумановича въ Кіевскую академію, съ переводомъ въ послѣднюю академію, съ начала 1909—1910 учебнаго года, и той Синодальной стипендіи, коею Игумановичъ, на основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 13 октября—23 ноября 1907 г. за № 6521, пользовался въ Московской академіи; о

чемъ и послать указы Вашему Преосвященству и Преосвященному Митрополиту Киевскому“.

Справка: Въ Московской Духовной Академіи сербскій уроженецъ Ефремъ Игумановичъ пользовался частною стипендіею имени И. С. Аксакова въ 220 рублей; казенной же стипендіи по смѣтѣ 1909 года на его содержаніе ассигновано не было,—о чемъ и сообщено Канцеляріи Святѣйшаго Синода отношеніемъ Правленія Академіи отъ 17 августа за № 362.

б) Отношеніе Совѣта Киевской Духовной Академіи отъ 20 августа за № 1116:

„Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 18 іюля сего года за № 10097 опредѣлено перемѣстить студента II курса Московской духовной академіи серба *Ефрема Игумановича* въ Киевскую академію.

Вслѣдствіе сего Совѣтъ Киевской духовной академіи покорнѣйше проситъ Совѣтъ Московской духовной академіи выслать документы поименованнаго студента и сообщить, когда онъ поступилъ въ Московскую академію, на какой группѣ наукъ состоитъ, какіе успѣхи въ наукахъ академическаго курса во время обученія въ Московской академіи оказалъ“.

Опредѣлили: 1) Принять къ свѣдѣнію.—2) Сообщить Совѣту Киевской Духовной Академіи требуемыя свѣдѣнія о студентѣ Игумановичѣ, съ присовокупленіемъ изложеннаго въ справкѣ.

III. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1909 г. Іюля 29. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 25 іюля за № 10311:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 іюня сего года за № 220, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ учрежденіи въ академіи *стипендіи имени профессора А. П. Лебедева*. Приказали: 1) Согласно настоящему ходатайству, учредить при Московской духовной академіи стипендію имени покойнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета Алексѣя Петровича Ле

бедева на проценты съ завѣщаннаго имъ капитала, заключающагося въ облигаціяхъ Государственнаго внутренняго 5% займа 1905 г. на восемь тысячъ руб., и 2) представленный проектъ положенія о стипендіи утвердить; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ, съ приложеніемъ копиі положенія“.

б) Положеніе о стипендіи имени покойнаго *профессора Императорскаго Московскаго Университета, Алексѣя Петровича Лебедева* при Московской Духовной Академіи:

1.

На проценты съ капитала, поступившаго по духовному завѣщанію покойнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Алексѣя Петровича Лебедева и заключающагося въ четырехъ облигаціяхъ Государственнаго внутренняго 5% займа 1905 года на номинальную сумму восемь тысячъ рублей (8000 р.), учреждается при Московской духовной Академіи стипендія имени завѣщателя—профессора А. П. Лебедева.

2.

Капитальъ этотъ составляетъ неотъемлемую собственность Московской духовной Академіи и хранится вмѣстѣ съ прочими ея капиталами, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

3.

Стипендія назначается Совѣтомъ академіи ежегодно одному изъ лучшихъ по успѣхамъ и поведенію студентовъ IV курса.

4.

Размѣръ стипендіи опредѣляется въ четыреста рублей (400). изъ коихъ установленная сумма употребляется на годичное содержаніе стипендіата въ академическомъ общежитіи, а остатокъ выдается ему при окончаніи курса на руки для приобрѣтенія полезныхъ книгъ и на удовлетвореніе другихъ нуждъ.

5.

Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

Настоящее положеніе утверждено опредѣленіемъ Святейшаго Синода отъ 30 іюня—20 іюля 1909 г. за № 5527“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію и руководству.

IV. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1909 г. Авг. 7. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 31 іюля за № 10547:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 1 сего іюля за № 237, по ходатайству Совѣта Московской Духовной Академіи объ утвержденіи *Преосвященнаго Агаѳодора, Архіепископа Ставропольскаго*, въ званіи почетнаго члена сей академіи. Приказали: Избраннаго Совѣтомъ Московской духовной академіи въ званіе почетнаго члена сей академіи Преосвященнаго Агаѳодора, Архіепископа Ставропольскаго, утвердить въ означенномъ званіи; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Изготовить для Высокопреосвященнаго Архіепископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго Агаѳодора дипломъ на званіе Почетнаго Члена Московской Духовной Академіи и просить Его Высокопреосвященство о принятіи сего званія.

V. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: 1909 г. Авг. 21. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 19 августа за № 11063:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 1 іюля сего года за № 236, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ утвержденіи преподавателя Псковской духовной семинаріи *Николая Серебрянскаго* въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Очерки по исторіи монастырской жизни въ Псковской землѣ съ критико-библіографическимъ обзоромъ литературы и источниковъ по исторіи Псковскаго монашества“, и 2) отзывъ Преосвященнаго Алеутскаго Платона, отъ 28 того же іюля, о семъ сочиненіи. Приказали: Преподавателя Псковской духовной семинаріи Николая Серебрянскаго, удостоеннаго Совѣтомъ Московской духовной академіи за означенное сочиненіе степени магистра богословія, утвердить, согласно представленію Вашего Преосвященства и отзыву Архіепис-

скопа Платона, въ названной ученой богословской степени; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Изготовить для преподавателя Псковской духовной семинаріи Николая Серебрянскаго дипломъ на степень магистра богословія и выдать оный по принадлежности.

VI. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 10 іюня, № 3: „1909 г. Іюня 24. Ходатайствовать“.

б) 10 іюня, № 4 „1909 г. Іюня 24. Ходатайствовать“.

в) 10 іюня, № 5 „1909 г. Іюля 1. Утверждается“.

г) 10 іюня, № 6: „1909 г. Іюля 1. Приемные экзамены произвести до 1-го сентября согласно распоряженію Св. Синода. Прочее утверждается“.

д) 11 іюня, № 7: „1909 г. Іюля 1. Ходатайствовать“.

Справка: Въ означенныхъ журналахъ на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства представлены были, между прочимъ, слѣдующія постановленія Совѣта Академіи: а) о принятіи бывшаго студента Академіи *Николая Хронтовскаго* обратно въ число своекоштныхъ студентовъ III курса, съ обязательствомъ представить неподанныя имъ въ 1906—1907 учебномъ году письменныя работы къ концу 1909—1910 учебного года (журналъ № 5, ст. XIV); б) о разрѣшеніи восьми студентамъ I курса, семи—II курса и пяти—III курса сдать устныя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1909 года (журналъ № 6, ст. I, п. 5); в) объ утвержденіи двадцати двухъ студентовъ, окончившихъ полный академическій курсъ, въ степени кандидата богословія и двухъ студентовъ—въ званіи дѣйствительнаго студента Академіи (журналъ № 6, ст. II, п. 1).

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

VII. Сданное Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1909 г. Іюля 31. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи“—отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 26 Іюля за № 18880:

„Вслѣдствіе отношенія Вашего Высокопреосвящен-

ства, отъ 24 минувшаго іюня за № 226, о назначеніи исправляющему должность доцента Московской духовной Академіи *Николаю Туницкому* пособія на поѣздку, съ научною цѣлію, за границу въ теченіе лѣтнихъ каникулъ сего года, въ размѣръ 250 р., имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь и Архипастырь, что средства Св. Синода на духовно-учебную часть въ настоящее время настолько ограничены, что ихъ едва достаетъ на покрытіе штатныхъ расходовъ по содержанію духовно-учебныхъ заведеній и рѣшительно не позволяютъ отвлеченія изъ нихъ какихъ-либо суммъ, помимо прямого назначенія сихъ средствъ; кромѣ сего назначеніе Туницкому пособія для заграничной поѣздки въ каникулярное время можетъ вызвать подобныя же ходатайства и по другимъ духовнымъ Академіямъ, а потому я затрудняюсь назначить Туницкому испрашиваемое пособіе изъ духовно-учебнаго капитала“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 8 іюля за № 1341:

„Опредѣленіемъ Св. Синода, отъ 4—6 Іюня сего года за № 4899, постановлено: 1) ввести съ начала 1909—10 учебного года въ курсъ преподаваемаго въ духовныхъ семинаріяхъ нравственнаго богословія, особымъ отдѣломъ, *разборъ и опроверженіе социализма*, предложивъ въ руководство при этомъ преподаваніи временно, впредь до составленія новой по сему предмету программы, выработанныя Архіепископомъ Волынскимъ Антоніемъ и миссіонеромъ Айвазовымъ программу и объяснительную къ ней записку, каковыя программу и записку и напечатать въ Синодальной типографіи въ потребномъ количествѣ экземпляровъ; 2) предоставить миссіонеру Айвазову составить соответствующій программѣ трактатъ о социализмѣ, который и представить на разсмотрѣніе въ Учебный при Св. Синодѣ Комитетъ, и 3) поручить Учебному Комитету просить профессоровъ духовныхъ Академій и другихъ лицъ, извѣстныхъ своими трудами о социализмѣ, представить Комитету, въ возможно непродолжительномъ времени, свои отзывы о преподаваніи обличенія социализма и примѣрныя программы, съ указаніемъ су-

существующей русской и иностранной литературы по сему предмету.

Вслѣдствіе изложеннаго, Учебный Комитетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской духовной Академіи а) предложить профессорамъ Академіи, специально изучавшимъ литературу о социализмѣ, дать отзывы о преподаваніи обличенія социализма и составить примѣрную программу съ указаніемъ существующей русской и иностранной литературы по сему предмету и б) о послѣдующемъ сообщить Учебному Комитету въ возможно непродолжительномъ времени.

При семъ прилагаются, по три экземпляра, выработанныя Архіепископомъ Волинскимъ Антоніемъ и миссіонеромъ Айвазовымъ программа, объяснительная къ ней записка и указатель литературы по обличенію социализма“.

Опредѣлили: 1) Дать отзывъ о преподаваніи обличенія социализма и составить примѣрную программу съ указаніемъ существующей русской и иностранной литературы по сему предмету предложить ординарнымъ профессорамъ Академіи: по кафедрѣ метафизики и логики—*А. И. Введенскому* и по кафедрѣ нравственнаго богословія *М. М. Таргеву*, коимъ и вручить по одному экземпляру программы, выработанной Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Волинскимъ Антоніемъ и миссіонеромъ Айвазовымъ.—2) О настоящемъ постановленіи сообщить Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ.

IX. Циркулярное отношеніе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 8 Іюля за № 5879:

„Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 6—8 Іюня сего года за № 4956, постановлено: 1) поручить Епархіальнымъ Преосвященнымъ озаботиться доставленіемъ отчетовъ о состояніи ввѣренныхъ имъ епархій за минувшій 1908-й и текущій 1909 г.г. не позже 1-го Апрѣля 1910 г; 2) подтвердить Преосвященнымъ, чтобы впредь годовые отчеты о состояніи епархій представлялись непременно къ установленному на то сроку, не позже 1-го Апрѣля слѣдующаго за отчетнымъ года, и по утвержденной для таковыхъ отчетовъ формѣ, и 3) предложить Преосвященнымъ при составленіи отчетовъ за 1908—9 годы отмѣтить всѣ тѣ явленія и собы-

тія въ церковно-общественной жизни вѣрннхъ имъ епархій, которыя и сами по себѣ, и въ виду переживаемаго времени, останавливали на себѣ особое вниманіе.

Вслѣдствіе сего, Г. Оберъ-Прокуроръ приказалъ, чтобы и цифровыя отчетныя свѣдѣнія, доставляемыя Правленіями духовно-учебныхъ заведеній за каждый годъ обычно къ началу новаго учебнаго года, были-бы впредь доставляемы къ 1-му Апрѣля слѣдующаго за отчетнымъ года.

О вышеизложенномъ Канцелярія Оберъ-Прокурора даетъ знать Совѣту Московской Духовной Академіи для надлежащаго исполненія“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію и руководству.

Х. Прошенія:

а) Преподавателя Волынской духовной семинаріи, кандидата богословія, *Θедора Владимірскаго*:

„Представляя при семъ въ качествѣ магистерской диссертациі мои работы: 1) Изслѣдованіе на одобренную Совѣтомъ Академіи (см. „Журналы Совѣта“ за 1903-й годъ) тему: „Антропология и космология Немезія, епископа Емесскаго, въ ихъ отношеніи къ древней философіи, предшествующей и послѣдующей патристической литературѣ“ (въ двухъ частяхъ,—въ рукописи) и 2) печатный переводъ сочин. Немезія „О природѣ человѣка“ съ предислов. и примѣчан. (въ качествѣ приложенія къ упомянутому изслѣдованію),—честь имѣю покорнѣйше просить Ваше Преосвященство дать дѣлу надлежащее движеніе“.

б) Преподавателя Ставропольской духовной семинаріи, кандидата богословія, *Николая Черныявскаго*:

„Представляя сочиненіе на тему — „Императоръ Θεодосій В. и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи“ на степень магистра, почтительнѣйше прошу Совѣтъ Академіи дать дѣлу надлежащее движеніе“.

Справка: По § 81 лит. а п. 6 устава духовныхъ академій „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертациі на ученія степени и оцѣнка оныхъ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Магистерскую диссертацию преподавателя Волынской духовной семинаріи Θ Владимірскаго передать для

разсмотрѣнія экстраординарному профессору Академіи по кафедрѣ патристики *П. В. Попову*, а таковую же диссертацию преподавателя Ставропольской духовной семинаріи *Н. Чернявскаго*—ординарному профессору по кафедрѣ общей церковной исторіи *А. А. Спаскому*.

XI. Заявленіе О. Ректора Академіи Архимандрита *Теодора* о томъ, что—а) вторымъ рецензентомъ диссертации преподавателя Владимірскаго онъ назначаетъ члена Совѣта—экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ психологіи *П. П. Соколова*; б) вторымъ рецензентомъ диссертации преподавателя Чернявскаго—ординарнаго профессора по кафедрѣ введенія въ кругъ богословскихъ наукъ *С. С. Глаголева*, и в) вторымъ рецензентомъ диссертации наблюдателя церковно-приходскихъ школъ Омской епархіи священника *Димитрія Садовскаго* („Блаженный Августинъ, какъ проповѣдникъ“), рассмотрѣнной уже бывшимъ Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи Епископомъ Евдокимомъ,—экстраординарнаго профессора по кафедрѣ теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ *Н. Г. Городенскаго*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Прошенія:

а) Преподавателя Ставропольской духовной семинаріи *Николая Громцева*:

„Въ 1905 г. я окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи со степенью кандидата богословія и съ правомъ полученія слѣдующей ученой степени безъ новыхъ устныхъ испытаній. Курсовое сочиненіе мое, писанное мною на тему: „Св. Павлинъ Нольскій“, удостоилось похвальнаго отзыва читавшаго его профессора *П. П. Цвѣткова* и отмѣчено высшимъ балломъ. Въ этомъ отзывѣ профессоръ-рецензентъ совѣтуетъ мнѣ не оставлять занятій латино-христіанской литературой вообще и Св. Павлиномъ въ особенности и по окончаніи Академіи. Поощряемый отзывомъ наставника и не утративъ доселѣ интереса къ личности Св. Павлина и его литературнымъ произведеніямъ, почтительнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ переработку курсового сочиненія для полученія слѣдующей ученой степени, безъ измѣненія упомянутой темы“.